

ОСТРОВ ХОРТИЦА НА ДНЕПРЕ, ЕГО ПРИРОДА, ИСТОРИЯ, ДРЕВНОСТИ

I

На всем протяжении Днепра по величине остров Хортица не имеет себе подобного. Такие большие острова, как Таволжаний, Кухарский и Томаковский ничто с ним в сравнении¹.

По межеванию 1867 года, площадь этого величественного острова занимает 2757 дес., длина 11 1/2, ширина от 1 до 2 верст, окружность 26 верст и высота кряжа над уровнем Днепра приблизительно до 300 футов. В 1789 г., после падения Запорожской Сечи и покорения Крыма, в пору кипучей колонизации Новороссийского края, здесь водворены выходцы из Данцига, меннониты*, основавшие колонию ОстровХортицкую². Как можно заключить из рассказов меннонитов старожилов, в первые годы их поселения здесь еще витал дух казачества: на острове и близ него по Днепру оставалось несколько запорожцев, занимавшихся рыбной ловлей и звериным промыслом. Живя зажиточно, казаки эти оказывали пристанище проходившим ватагам бездомной сиромы и часто способствовали поселению их на новых местах. В 1916 году, во время войны России с Германией и Австрией, меннониты собственники, поставленные в стеснительные условия, решили продать остров городу Александровску. Таким образом, под купчей, совершенной 3 декабря 1916 года, Александровск является фактическим обладателем славной исторической Хортицы³.

Северный конец острова возвышен и скалист, южный – пологий, обилует лесом, лугами и озерами. Из лесных пород здесь с западной и южной стороны преобладает осина, ива и верболоз; с южной – те же породы, но возвышенные склоны со стороны степи и гряды затеяют дуб, вяз и берест. Тут же, изредка, засновывает кусты и дикий виноград. Помимо заливных лугов, или так называемых плавен, возвышенная середина усеяна грушами, кустами боярышника и травами степной флоры.

Насколько южная часть Хортицы привлекательна растительностью, настолько северная заманчива диким видом скал и картиной Днепра.

---

¹ Из первых, лежащих у порожиистой части Днепра, остров Таволжаний, ниже порога Будыльского, занимает 221 дес.; Кухарский, у порога Лишнего, 215 дес.; Томаковский (Городище), в южном течении, 225 дес.

² Клаус. Наши колонии, СПб., 1860, Т. 1. - С. 116 - 117.

³ Покупка эта обошлась городу в 772350 р. или по 280 р. десятина.

Взгляните хотя бы на урочище Сагайдачное, на брошенный через Днепр железнодорожный мост* – сколько здесь, среди реки и по сторонам причудливых гранитных громад и отдельно виднеющихся камней; сколько утопающих в зелени островков, песчаных кос и откосов, какая невыразимо чудная, чарующая панорама! В богатой разнообразиями картине этой мы видим что-то таинственное, непостижимое.

Не менее очаровательный вид Хортицы и со стороны Кичкаса. Разветвляясь на два рукава, река здесь, после стремительного течения, несет свои воды тихо, спокойно. Справа синееет даль гранитных берегов Старого Днепра, а на пути вырисовываются три живописные скалы, именуемые Столбами; промежутки между ними носят название ворот. С возвышенной частью Хортицы скалы эти соединены небольшим песчаным пространством, поросшим красноталью (шелюг)¹. При летнем уровне вод первый со стороны реки Столб, возвышаясь на 58 футов, представляет как бы две взгроможденные одна на другую скалы, в форме колоссального дивана; на самой вершине площадка, взобраться на которую представляется некоторое искусство. Отсюда, обозревая окрестности, среди бесчисленного множества скал, вы переноситесь в таинственную историю глубокой древности, в сказочноволшебный мир, какой только могла создать творческая сила природы. Заговорите ли на скале – ответит вам у Днепра под скалой; крикните ли – подхватит эхо и ответит раскатами тут и там и Бог весть где за горами, за долами... Ниже, у отвесной скалы с севера, – площадка 30 шагов длины, 7 – ширины, поросшая мягкой травой и мхом. Здесь, в знойный день лета, под тенью скалы, может разместиться целая компания экскурсантов.

Не менее интересны и остальные скалы: высота второй 44, третьей 42 фута; отсюда такой же дивный вид на левый рукав Днепра (Новый Днепр) на целый ряд живописных скал с названиями и без названий. Скалы Столбы следуют одна за другой к юго-востоку, отделяясь протоками между первой и второй на 3 сажени, между третьей на 4. При спаде вод протоки эти образуют плеса, запруженные камнями. Говоря о средней скале, не преминем отметить указываемую рыбаками “Запорожскую ступу”. Это ни что иное, как углубление на юго-восточной плоскости скалы в виде котла с правильно отшлифованными стенками. Ступа эта занимает положение на 15 фут. выше летнего уровня реки, глубина его 1 1/2 арш., в поперечнике 2 1/2. Если не ошибаемся, в продолжение многих десятилетий, быть может веков, водоворот Днепра, вращая камень, создал это котлообразное чудо в скале. При особен-

---

¹ До наводнения, бывшего в 1845 году по памяти старожиллов, пространство это покрыто было лесом и кустарными зарослями, где водились дикие козы.

но значительном разливе Днепра углубление заливаеся водой, в него попадают мелкие рыбки, плавунцы, улитки и целый мир тварей. Прибавьте к этому усеянное дно и стенки роголистником и на поверхности розовые цветы и ярко-зеленые листья земноводной гречи, и вы имеете перед собою бесподобно обставленный аквариум, у которого приятно расположиться путнику.

Польский писатель Подберезовский, путешествуя по Днепру в 1860 году и восторгаясь видом этих скал, назвал их “Геркулесовыми Столбами”¹. К местности Поднепровья он также приурочил легенду Геродота (греч. историка V в. до Р. Х.) о встрече Геракла (Геркулеса) с Змей-Девницей и о происхождении скифов. Говоря о скалах и воспроизведя рисунок, далеко уклоняющийся от натурального их вида, Подберезовский замечает: «Сколько могу припомнить, столбы эти, в особенности первый из них, со стороны реки, представляет сплошную массу гладкого гранита в верхних частях как будто покрытую камнями циклопических размеров, тщательно пригнанных один к другому; со стороны же суши эта скала возвышается уступами из отдельных кусков, видимо устроенными руками человека. Кажется, что основания этих Столбов не искусственны, а природны, верхние же части доделаны человеком». В этом месте почтенный автор впадает в ошибку: надо видеть эти скалы, чтобы убедиться, что все они, в полной неприкосновенности, созданы природой.

Оставив позади себя Столбы, через 10 минут лодка, по течению Днепра, причаливает к песчаному откосу Хортицы у скалы «Высшая Голова». Здесь известная в Поднепровье и за пределами его «Змеева пещера». В Отвесной скале, на высоте 1 саж. от земли, вы видите щель. При помощи весла или шеста подымаетесь на скалу, находите, что щель эта в длину имеет 5 арш., ширину от 3/4 до 1 арш., высоту более 5 арш. При входе она шире, в глубь – уже. Внизу, у ваших ног, замечаете отверстие, ведущее в пещеру: отверстие это продолговатое, середине положенный камень разделяет его на два входа. Чтобы проникнуть в пещеру, – в одно отверстие опускается фонарь, в другое опускаетесь сами, упиравшись ногами и корпусом о стенки. Форма пещеры представляет острый угол, расширяющийся вглубь скалы. Длина 5 арш., ширина от 3/4 до 1 1/2, высота 3 арш. По склону поперечной стены от скалы сочится вода. Под тонким слоем песка дно устлано мелким щебнем. В пещере прохладно и сыро, она служит убежищем для пауков, комаров и мокриц. Впервые, при исследовании ее 20 сентября 1879 года, между щебнем найдены: голова филина (пугача), несколько

---

¹ Записки Одесского общ. истории и древности. Т. VI, - С. 494.

сколько костей животных и птиц, грубые черепья глиняной посуды, 4 ружейных кремня и 6 отбивных кремневых осколков. По рассказам стариков с. Вознесенки Штепы, Руденького и др., еще за память их дедов в пещеру никто не решался заглянуть, опасаясь встречи с Змеем; однако нашелся рыбак Куница, который, проникнув внутрь, вытащил оттуда истлевшие сукна, седло и сбрую, украшенную медными бляшками.

Все это навешано было на жердь, укрепленную на деревянных подпорах. Ежегодно, при разливе Днепра, пещера заливается водой.

Дивная природа Поднепровья с его грозными порогами и неприступными скалами – это страна поэтических легенд и сказаний. Легенда Геродота из области мифологии о встрече Геракла с прекрасной Змеей Девицей в Стране Гиллее и о месте той таинственной пещеры, в которой родились родоначальники Скифов, занимает умы писателей и ученых. Подберезовский, сравнивая легенду Геродота с преданиями приднепровских жителей, записанными Афанасьевым Чужбинским¹, приравнивает эту встречу к порожистой части Днепра у острова Таволжаного, близ которого находится Змеева пещера². Проф. Н.И. Надеждин в статье «Геродотова Скифия», определяя положение Герросы – страны царских Скифов, останавливается на острове Хортице и говорит: «Я полагаю здесь самое приличное место кладбища царей скифских, посреди столь дикого грозновеличественного ландшафта. Геродот именно говорит, что оно находилось там, «докуда Борисфен (Днепр) судоходен». Святыня этого места не возвышалась ли еще и тем, что здесь же, по всей вероятности, полагалась мифическая колыбель Скифов: та таинственная пещера, в которой, по сказанию Понтийских Эллинов, переданному Геродотом (IV, 810), родились Агафир, Гелон и Скиф от героя Иракла³ и прелестной Змеей Девицы и которая находилась, как говорит то же предание, в отдельном углу Гиллеи⁴, куда Геракл достигнул не прежде, как прошедши всю землю Скифскую с запада?»⁵.

---

¹ Поездка в Южную Россию, очерки Днепра. Ч. 1, Изд. 2. - СПб, 1863 г., - С.118 - 120.

² Определенно говоря, речь идет о Змиевой пещере на острове Перун у левого берега Днепра. На топографической карте Генерального Штаба остров назван Змеиной скалой. Название, видимо, искажено топографами: побережные малороссы называют его не скалой, а островом Перуном, ставя ударение на е. Я. Н.

³ Иракл, Геракл, Геркал – тождественные имена Геркулеса.

⁴ Лесная страна, плавни левого берега Днепра.

⁵ Записки Одесского общ. истории и древн. Т. 1, 1844 г., - С. 84 - 85.

Легенда достойна внимания. Геркулес – сын Юпитера и Алкмены, идеал героев героического периода, известный своею силою и 12-ю совершенными им подвигами.

В числе подвигов ему предстояло достать быков и лошадей из прекрасных стад Гериона и убив его пастуха и двухголового пса, стороживших стадо, и отобрав лучших быков, коров и кобылиц, он пустился в путь. Гоня перед собой стадо, Геркулес прибыл в ту самую страну, тогда еще населенную, которую теперь (в V в. до Р. Х.) занимают скифы. Защищаясь от непогоды, он закутался в львиную шкуру и заснул. В это время у него исчезли лошади. Проснувшись, Геркулес пустился в поиски, обошел всю страну, пока не прибыл в землю, называемую Гиллеей. Там, в пещере, нашел он смешанной породы существо, наполовину девушку – наполовину змею. Геркулес спросил, не видала ли она блуждающих лошадей? Девушка отвечала, что лошади у нее и что она возвратит их не прежде, как он разделит с ней одиночество. Геркулес согласился. Прошло три года, и Геркулес собрался в путь. Возвращая лошадей, Змея-Девушка обратилась к нему с такими словами: «От тебя я имею трех сыновей; когда они вырастут, скажи, что мне делать с ними: поселить ли их здесь, – страную этою владею я одна, – или послать к тебе?» Он ответил: «Когда дети возмужают, посмотри который из них натянет этот лук так, как я его натягиваю, и по моему опояшется этим поясом, тому и предоставь твою землю для жительства. Таким способом и ты сама будешь довольна и исполнишь мое желание». При этом Геркулес натянул один из луков, – до тех пор он носил два, – и показал способ опоясываться, а засим передал Змей-Девушке и лук, и пояс с золотой чашей на конце пряжки. После этого он ушел. Когда сыновья возмужали, она дала имена: старшему – Агафирса, среднему – Гелона и младшему – Скифа. Памятуя совет Геркулеса, она предложила сыновьям натянуть лук отца. Старшие два оказались бессильными, и потому были изгнаны матерью из этой страны, самый же младший, Скиф, мог натянуть лук отца и остался здесь. От Скифа, сына Геркулеса, произошли родоначальники скифских царей, а в воспоминание Геркулесовой чаши скифы до сих пор носят чаши на пряжках поясов¹.

Г. Подберезский в своей статье, приведя легенду в таком же роде, заключает: «Итак, эта часть предания Геродота, заимствованная им от Понтийских эллинов, превосходно применяется к этой прекрасной и таинственной стране порогов; но для того, чтобы придать ему еще большего значения, следовало бы отыскать там Столбы Геркулеса, ко-

---

¹ О. Г. Мищенко. Геродот, М., 1888, кн. IV, - С. 810. Некоторые места приведены в сокращенном виде. *Я.Н.*

торых действительность в той местности становится весьма правдоподобной. Почти на расстоянии версты от Кичкаса лежит остров Хортица. Всмотриваясь в прекрасное, поэтическое местоположение этого острова, мысль стремится прорвать таинственную завесу, наброшенную на нее веками. В этой поэзии есть что-то таинственнопрекрасное, что влечет к себе и ум и сердце. Века освятили ее, а миф облек ее в одежду чудесного... Этот остров, хочу я сказать, есть мифическая Эриффея, лежащая среди океана, а торчащие в Днепре гранитные скалы – это Столбы Геркулеса! – Здесь окончательная развязка узла тех таинственных преданий о царях-змеях и о пещерах»¹.

В народной памяти много местных преданий, много легенд отмечено об острове Хортице и его урочищах, о Змеевой пещере. По сказаниям деда Фоки Горянца, после Христова Рождения, в пещере этой жил трехголовый Царь Змей, совершавший налеты на чужие страны и вступавший в битву с богатырями-великанами (великанами). По сказаниям деда Степана Штепы, здесь, как и во всем Поднепровье, жили великаны, жили богатыри, жили, наконец, трехголовые Змеи... Брошенные у берегов и среди Днепра Скалы – это дело богатырской потехи; сохранившиеся в скалах пещеры – это логовище чудовищных Змеев...

По рассказам 84-летнего рыбака Осипа Шутя, скоротавшего остаток лет на Хортице, остров этот знают старые люди всюду. В молодые годы бывал он в Донщине, за Кубанью, в Черноморье, на рыбных косах Азовского моря, и куда его не бросала судьба, везде находил старых земляков, везде спрашивали его, что случилось с Хортицей, с порогами Днепра; живут ли там потомки запорожцев... В Черноморье седой старик спросил его: «Живет ли и поныне на Хортице Змей с тремя головами?». И когда он ответил «нет», старик, покачив головою, заметил: «Правду кажеш, козаче: помандрував він слідком за запорожцями в Туреччину, звалував за ними і звір всякий»... Дед Осип, передавая рассказы о Змеях богатырях, поясняет, что «во всем Запорожье жило три змея, из них один на острове Хортице, другой на острове Пурисовом, ниже порога Гадючего, где есть пещера, а третий, самый чудовищный и лютый Царь Змей, – Змей – над Змеями, – на острове Перун. Последний, говорят, имел два логовища: на Перуне и Стрельчьей скале, что близ порога Лохана. Все эти три Змея, летая по ночам, искрами крыльев освещали пороги и ночной путь запорожцев... Змеи жили как богатыри и вступали в битву только с богатырями. Они охотились на людей, одних только запорожцев не трогали, так как и между ними были богатыри и характерники»...

---

¹ Записки Одесск. общ. истор. и древн. IV, - С. 495 - 496.

«В скалистых местах Днепра, – передает далее дед Осип, – водились полозы, – это самый большой гад... Сам я полоза не видал, но много слышал от дядька своего запорожца Матвия и др. стариков в детстве.

Говорят, гад был опасный; будучи голоден, он сползал на дерево и, прикрываясь листвой, бросался оттуда на всякого зверя, какой вздумал бы подойти близко; питался всякой мелкой тварью, но задушить мог и человека и лошадь. Полоз и за людьми гонялся: совьется в колесо и катится вдогонку. Чтобы уйти от погони, надо бежать против солнца: оно заслепляло ему глаза... Водилось здесь множество всяких ядовитых змей и тарантулов, так что босой ногой, бывало, не показывайся; теперь остались одни желтобрюхи и гадюки, но и тех мало. Желтобрюхи – гад смиренный, совсем не кусается...».

«В былую старину, – рассказывает далее Осип, – когда берега Днепра и балки были покрыты лесом, а степи не касался плуг, – здесь водилось много диких коней, сайгаков, коз, кабанов, бобров, видних (выдра), сурков, хомяков, зайцев, волков, чекалок (шакалы), лисиц; многое множество также плодилось лебедей, журавлей, диких гусей, уток, огарей, бакланов, дроф, тетеревей, куропаток, стрепетов и всякой другой птицы, всякого зверя, каким и счету не сведешь. Все это перевелось, ушло куда-то или истреблено. Одних сусликов, говорят, здесь вовсе не было: они появились в 1830 – 40-х годах с востока в большом количестве, когда стали сеять хлеб. Это было уже за моей памяти, заключает Осип, – когда они во множестве переплывали Днепр».

По отзывам старожилков степных, поднепровских и великолужских сел, исчезновение из наших мест диких коней (тарпанов), сайгаков, шакалов и полозов следует отнести к последним годам существования Запорожской Сечи; исчезновение диких кабанов, бобров, выдр, сурков и хомяков – к 1830 – 40-м годам; волков, водившихся во множестве, – к 1870; диких коз – к 1880 годам. Последних много было в Великом Лугу, в особенности в крупных дачах графов Строганова и Канкрина, помещиков Попова, Миклашевского*, Струкова, в Крутом Яру и на всех больших островах Днепра. Они прекрасно плавали, и во время разлития Днепра, когда заливались гряды, уходили в лесные балки берегов и в степи, тогда еще густо покрытые травой в рост человека.

А сколько тогда рыбы, раков было, по рассказам деда Штепы, и в Днепре, и в речках и в озерах... «Теперь хочешь рыбальчить – плати аренду; тогда было не так: лови где хочешь, чем хочешь и сколько хочешь. Наши деды думали так: земля, вода, лес – все это Божие, ну и пользовались всем, что Бог послал человеку...».

Много приволья и простора было в старину, но много неотразимых бедствий испытывали люди в виде повальных болезней, суровых зим, наводнений, засух и неурожаев, от постоев проходящих войск и разных натуральных повинностей... Старик с. Вознесенки Яков Шуть передает: «Были и страшные засухи: хлеба, трав не было; целыми тучами носилась саранча и не находя пищи дохла, распространяя страшный смрад.

Скот гибнул, люди пухли от голода, питались желудями, к муке подмешивали курай... В довершение бедствий подскочила страшно суровая зима. Хаты, сады, леса – все занесено было снегом. Весна ознаменовала себя большим наводнением: по Днепру плыл лес, плыли мельницы, хаты, рубленные коморы, даже крыши хат... Лето было одно из урожайных, но потерь не могло вознаградить. Много и много еще было годов, оставивших о себе память под именем драных, голодных, холерных, цинготных и других, про которые пришлось бы долго и долго рассказывать».

II

В X веке, по словам Греческого Императора Константина Багрянородного, остров Хортица, под именем о. Св. Григория, хорошо был известен Варягам-Россам. Следуя по Днепру из Киева в Царьград по торговым делам, и минув Крарийский (Кичкасский) перевоз печенегов и херсонцев, они причаливали здесь ладьи для отдыха.

По обычаю язычников, здесь же под тенью священного дуба они совершали жертвоприношения в ознаменование благополучного прохождения порогов. В последующей истории остров этот известен был многим русским князьям, предпринимавшим походы на греков, из которых воинственный Святослав, при битве с печенегами на порогах сложил свою буйную голову.

Проф. Д.И. Яворницкий говорит: «В русских летописях имя Хортицы впервые упоминается под 1103 годом, когда великий князь Святослав Изяславович, в союзе с другими князьями, шли походом против половцев. «И поидоша на коних и в ладьях, и придеша ниже порог и сташа в Протовчех и в Хортичим острове». Из тех же летописей узнаем, что на острове Хортице съезжались все главные русские князья и их пособники, когда в 1224 году отправлялись на первую битву против татар на р. Калке»¹.

Надо припомнить, что остров Хортица в XV веке служил пристанищем и опорой первых во времени запорожских казаков. Об острове Хортице упоминает посол Римского Императора Рудольфа II Эрих

---

¹ Эварницкий Д. История запорожских казаков, 1900 г. Т. 1. - С. 120.

Ласота*, отправленный к запорожцам в 1594 году. 7 июня, минув Кичкас, в то время татарскую переправу, он говорит: «В полумиле ниже находится прекрасный, высокий и приятный остров Хортица, имеющий в длину 2 мили, разделяющий Днепр на две равные части. На этом острове мы переночевали. Казаки имеют привычку держать там своих лошадей в зимнее время»¹. Инженер польской службы француз Боплан, обозревая порожистую часть Днепра до Кичкаской переправы в первой половине XVII века и описывая остров Хортицу по рассказам других, говорит: «Остров Хортица очень высок, почти со всех сторон окружен утесами, следовательно, без удобных пристаней. Он не подвержен наводнениям и покрыт дубовым лесом»².

Инженер кн. Мышецкий*, находившийся с 1736 по 1740 год в Запорожской Сечи, сообщает слышанный им рассказ, что нынешний остров составлял некогда часть прибрежного материка, но необыкновенным наводнением и сильным напором вод прорыто было речисце в низменных местах, и образовался остров. Затем указывает, что в 1630 году во время войны Польши с Россией «Запорожский воин Сагайдачный» построил на острове фортецию или окоп»³. Далее, из источников того же Мышецкого и других узнаем еще более интересные подробности. В царствование Анны Иоановны*, во время крымских походов Миниха*, на Хортице в 1736 году возведены земляные укрепления, существующие и поныне, здесь производилось строение судов и продолжительное время стояли полки и флотилия, вышедшие из Очакова; что в это же время здесь находились продовольственные магазины, из которых, в неурожайные годы, генерал Кейзерлинг* выдавал провиант и запорожским казакам «из милосердия», как заявляли сечевики, и что в годы набегов крымцев на этом острове «содержались пикеты и фигуры из смоляных бочек для извещения о всех движениях неприятеля»⁴. Наконец академик Зуев, следовавший в 1781 году в Херсон правым берегом Днепра, и минув Кичкас, – где застал он одну избушку запорожца, – свидетельствует... «Переехали мы речку Хортицу, славную по имеющемуся против устья ее особливой от всех прочих величины острову того же имени, на котором князь Григорий Александрович Потемкин особое для разведения и украшения прилагает старание»⁵. Приведенное место из дорожного дневника Зуева с большими подробностями дополняют

¹ Путевые записки, 1873 г. - С. 30.

² Описание Украины, 1832. - С. 24 - 25.

³ История о казаках запорожских, Одесса, 1852 г. - С. 68.

⁴ Скальковский А. История Новой Сечи, Одесса, 1886, II. - С. 261.

⁵ Зуев В. Путешественные записки, 1878 г. - С. 261.

шими подробностями дополняют исповедные росписи и другие архивные источники Александровского Покровского Собора, из которых узнаем, что остров Хортица и огромное пространство степи правого берега Днепра от порога Гадючьего и далее по впадающим в него трем рекам – Высшей, Средней и Нижней Хортицам, входили в состав ранговой дачи кн. Г.А. Потемкина; что в 1780 году на названных речках уже существовали слободы светлейшего, – на первой – Хортица, переименованная в 1784 года в Ново-Григорьевку, на второй – Средняя Хортица, в народе – Бабурка, по имени зимовника запорожца Бабуры, и на третьей – Нижняя Хортица, переименованная в 1783 году в Любимовку. Все эти слободы вначале приписаны были к приходу фурштата Александровска, ныне уездного города, а в 1784 году, с построением церкви в слободе Ново-Григорьевке, образовался самостоятельный приход, к которому причислены и подданные светлейшего князя жители острова Хортицы в числе четырех семейств. Касаясь указаний Зуева на заботы кн. Потемкина об «украшении» острова, здесь ограничимся рассказами старожилов, к которым не можем не отнестись с доверием. В 1874 году к колонии Остров-Хортицкой нами записан следующий рассказ 89-летнего меннонита Якова Гепнера, отец которого был первым поселенцем и основателем колонии. «На возвышенной части острова, – передает он, – что против балки Сухой Московки с левой стороны Днепра, меннониты застали молодой сад, разведенный по повелению кн. Потемкина; сад этот охранялся жившим там в землянке, старым капралом, почему урочище и поныне носит название Капральщины. На этом месте, – говорили в то время, – Потемкин предполагал построить дворец, для чего от сада, вдоль острова, проведена была дорога до паромной переправы через Старый Днепр. Будучи обсажена аллеей, дорога эта носила название «почтовой». Затем у князя была мысль соединить остров Хортицу с правым и левым берегами Днепра мостами, но война с Турцией отвлекла его, и план не был осуществлен. С водворением меннонитов молодые деревья сада частью были разобраны по заводимым колониям, частью оставлены в пользование владельцев острова». Подтверждение о существовании сада и других замыслах Потемкина нам пришлось также слышать и от глубоких старцев кол. Бурвальд Юлиуса Петкау, кол. Розенталь Абрама Завадского и старожила г. Александровска Ивана Иулиановича Хмирова. Последний передает: «Я родился в 1809 году: отец мой Иулиан Алексеевич был из старых солдат времен Екатерины II и служил в полку Вырубова 2-го, который в последнее время квартировал в Александровской крепости, т. е. нынешнем городе. Будучи школьником, я часто бывал на острове, там, в урочище Капральщина, был довольно

большой сад, где росли яблони, кислицы, груши, вишни и в особенности много терну. Сад этот был разведен по повелению кн. Потемкина и почему-то называли «царским». В 30-х годах, когда я был уже возмужалым, сад был наполовину вырублен и запущен. Тогда остров не таков был, как теперь: тогда – любо и вспомнить – по склонам берегов и балкам он был покрыт дубовым лесом, где водилось много зверей и птицы. Еще я помню на острове вековые дубы в обхвате четырех человек, которым было лет по 500, если не больше, как уверяли старики: были они ветвисты, причем один из них стоял неподалеку укреплений, пересекающих остров впоперек, южнее меннонитской колонии, а другой на северном конце острова, что от Кичкаса. В летние дни, под тенью последнего дуба, бывало прячется целый табун лошадей от жары и мухи. Этими дубами нередко любовался Екатеринославский губернатор Фабр, посещавший остров в «сороковых годах».

По старинным записям меннонитов, за время существования «Конторы опекунства новороссийских иностранных поселенцев», возникшей в 1800 году в Екатеринославе¹, и сменившего ее «Попечительного Комитета об иностранных поселенцах южного края России» в Одессе, лес острова, принадлежавший 8-ми колониям Хортицкого меннонитского округа, обставлен был особыми заботами этих учреждений; по охране и развитию лесонасаждения существовал особый совет из выборных лиц, утверждаемых Попечительством, рубка и чистка леса производилась участками и через установленный промежуток лет; велась отчетность и проч. Плодами этих забот явилось в 1842 году разведение соснового леса и засаждение сыпучих песчаных пространств кустарниками шелюга. В 1886 году лесные угодья, какими пользовался колониальный округ, приобретены в собственность Остров Хортицким обществом.

Из отчетных записей бывшего члена совета по ведению лесного хозяйства Ивана Петерса (р. 1796, ум. 1881 г.), представленных Попечительству, узнаем о наличии леса острова Хортицы в 1857 году. По его подсчету, возрастных деревьев числилось: дуба 49000, береста 4000, липы 1000, груш 4500, из которых на возвышенной поверхности острова 2000, смешано с другими породами 2500. Из этого можно заключить, что Петерс в приблизительных цифрах перечисляет более ценные породы леса, не касаясь тополей, ивы и лозняка, растущих здесь в изобилии.

---

¹ Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, II. - С. 28.

Славный некогда лес острова Хортицы ведет свою печальную летопись с 1870-х годов. Еще за нашей памяти в 1860-х годах вокруг острова прибрежные скалы были покрыты роскошным лесом: в балках, с уцелевшими запорожскими названиями – Липовой, Шанцевой, Долгой, Брагарне, Генеральской, Широкой и многих других встречались дубы в объёме 2-х человек. В 1871 году на смену Попечительства об иностранных поселенцах появился новый закон: колонисты переименованы в поселян-собственников и подчинены крестьянским учреждениям, действующим по Положению 19 февраля 1866 года. Меннониты придерживались установленных Попечительством традиций, пользовались лесом с расчетом и только для хозяйственных надобностей. Но тут неожиданно явилось обстоятельство, заставившее их изменить отношение к лесному хозяйству: начались хищнические порубки со стороны населения левого берега Днепра. Порубки эти в зимнюю пору из года в год усиливались и потому, не имея иного выхода, меннониты решили продать часть леса с торгов. Рубка производилась в 1876 - 77 годах, и за это время вырублен почти весь лес, обрамлявший Хортицу с западной и восточной сторон. В зиму с 1882 на 83 год ночные хищнические порубки возросли снова: это было уже повальное лесоистребление вооруженной силой, против которой не могла устоять никакая стража. Через 34 недели словно стихией сметена площадь в 35 десятин. Жалобы меннонитов вызвали меры губернской администрации: по берегам Днепра расставлена была охрана, пошли обыски, аресты, предания суду. Потеря, однако, осталась невознаградимой. Последнее обстоятельство вынудило меннонитов снова объявить торги, и с 1884 года славного некогда исторического леса Хортицы не стало. С потерей лесов сбылись слова запорожской песни зловещего пугача:

Ой не пугай пугаченьку,
В зеленому байраченьку!
Ой, ой як мені не пугати,
Що хотять байрак вирубати.
А мені ніде та прожити,
Ніде мені гнізда звити,
Малих діток виглядіти...
Та й запугав пугаченько
В зеленому байраченьку...

И действительно, пугач не нарушает более безмолвия ночи: он сделан зоологической редкостью и в единичных случаях встречается в недосыгаемых скалах Старого Днепра.

На острове Хортице некоторые историки указывают существование Запорожской Сечи, причем основание ее приписывается то Петру Сагайдачному¹, то Евстафию Дашкевичу, то, наконец, кн. Дмитрию Вишневецкому². Однако точных летописных указаний на это нет. Д.И. Эварницкий, пользовавшийся многочисленными источниками, посвятил истории Запорожских казаков три объемистых тома. Опровергая кн. Мышецкого относительно местонахождения Сечей и названия Хортицы “Сечь”, заключает, что этот остров был... «первым центральным местом поселения запорожских казаков»³.

Происхождение названия острова также основано на догадках. Проф. Брун*, напр., допускает, что название Хортицы произошло от слова «хорт» – борзая собака, а затем далее поясняет: «Так как между Россами и их сподвижниками могли находиться любители охоты, то, вероятно, таких собак возили с собою и оставляли на острове Хортице, чтобы по возвращении из Константинополя взять их опять с собою, так как они дальнейший путь оттуда в Киев, по причине порогов, по всей вероятности, проходили сухим путем»⁴. Если допустимо такое предположение, то можно допускать и другое – что название острову дано по имени древнеславянского бога Хорса, о котором упоминается у Нестора и в «Слове о полку Игореве» и которого славяне умилоствляли жертвоприношениями при походах. Отсюда – Хорсица, т. е. место, посвященное Хорсу, или по переходе буквы «с» в «т», переходе довольно обычном и в наши дни – Хортица. Высказываясь, однако, с осторожностью, ни то, ни другое мнение не разъясняет вопроса о происхождении названия острова и допустимо лишь в области предположений и догадок.

III

Южнорусские степи по Днепру – колыбель человечества. Первобытные племена, сменяя одно другое, оставляли о себе надмогильные памятники; такими памятниками – курганами, на протяжении 67 верст с промежутками усеяна поверхность острова Хортицы. До 1830-х годов, по сказанию глубоких старцев, на некоторых из них, расположенных на середине и к югу, «нерушимо стояли каменные мамы (бабы), причем между ними два истукана было в женском наряде и один в мужском». Истуканы эти, по словам рассказчиков, кем-то похищены.

---

¹ Спасский. Книга Большому чертежу. М., 1846. - С. 258.

² Брун Ф. Черноморье. Одесса, II. - С. 370.

³ Эварницкий Д. История запорожских казаков, 1900 г. Т. 1. - С. 117 - 119.

⁴ Брун Ф. Черноморье, II. - С. 369.

По обстоятельном исследовании в 1904 году, всех курганов нами насчитано 129, но по истечении последних 14 лет число их значительно сократила распашка. Расположены они группами или могильниками и редко в одиночку. Помимо могил распашка полей обнаруживает стоянку человека разных эпох, начиная с неолитической и кончая запорожцами. В особенности это заметно по сторонам балок Корниевой, Липовой, Долгой и Брагарни, тянущихся по восточному склону острова и балок Генеральской и Широкой с запада. Здесь, вместе с черепками глиняной посуды, не знавшей гончарного станка, между осколками кремневых орудий попадаются черепки изящных амфор греческого искусства, обломки молотков и топоров превосходной шлифовки, бронзовые стрелки, стеклянные и разного сплава бусы, небольшие железные копья, ружейные кремни, пули, черепянки – трубки и проч. Попадают также разной величины куски медного шлака, и это дает основание предполагать о существовании здесь мастерских того или иного господствовавшего населения. Затем с северо-запада, в балке Музычиной и песчаном побережье, между Наумовой и Громушиной балками с запада, где заметны следы пребывания Миниховских войск и в то же время стоянки флотилии и построения судов, меннониты и рыбаки находили железные заступы, топоры, штыки, оружейные замки, багры, крючья, подковы, стремена и проч., а в затопленных в Днепре лодках – в большом количестве бомбы и разные части артиллерийских орудий.

Но возвратимся к курганам. Всех могильников 6. Перечисляя с северного конца острова, положение их следующее.

Первый. С северо-восточной части острова, против урочища Сагайдачного с левой стороны Днепра и вдоль Миниховского укрепления могильник тянется до балки Савутиной на протяжении целой версты. Всех курганов 36. Исключая одного конусообразного и значительных размеров (окружность 143, высота насыпи 6 арш.), расположенного в северном конце острова, остальные расплывчаты и редкие из них достигают 2 1/2 арш. высоты; затем, на нетронутой степи, почти все покрыты кустарниками зиновати или раkitника (таволги). Могильник этот, расположенный в безлюдной части острова, весь изрыт кладоискателями. В том же 1904 году, т. е. за год до Всероссийского Археологического Съезда в Екатеринославе, раскопано здесь 3 кургана и, судя по содержимому в них, могильник может быть отнесен к древнейшей эпохе. (См. №№ 1, 2 и 3 раскопки).

Второй. От северного могильника по направлению восточного берега, на расстоянии 2 верст, – второй могильник. Положение его между меннонитским кладбищем и балки Долгой и дорогой, ведущей из ко-

лонии Остров Хортицкой на паромную переправу. Всех курганов 11, но из них 4 распаханы и со временем их насыпи сгладятся с лица земли. Следует, однако, оговориться, что к месту описываемого могильника, с запада, прилегает песчаная поверхность острова, правда облесенного соснами и кустарником шелюга, но соседство песков и в минувшие годы, несомненно, имело влияние на образование поверхности в том виде, в каком она представляется теперь, почему всякую насыпанную дюну можно ошибочно принять за курган. Да и вся топография этого небольшого участка представляется в виде городищ, холмов, глубоких ям, бугров и больших, отдельно стоящих насыпей-курганов. Такой характер местности подходит под принятые здесь названия заломов, кучугур и макортетов. Безошибочное определение курганов памятников может установить только раскопка, которой здесь не проводили.

Третий могильник в юго-западном направлении от предыдущего, на расстоянии 1 версты; здесь 15 курганов, из которых 5 значительных имеют в окружности от 110 до 125 аршин, при насыпи до 610 арш., остальные несколько меньше; расположена большая часть их на восточном склоне. В противоположность северному (1-му) могильнику, те из курганов, которых не коснулся плуг, носят правильную конусообразную форму, крутые склоны их поросли таволгой и тырсой. Разбросанные по вспаханному полю, весной курганы эти представляют красивые зеленые холмы, осенью – вид их напоминает огромные копы сена. В этом могильнике вскрыто 3 небольших кургана, причем в одном из них обнаружено катакомбное погребение с большим количеством бронзовых трехгранных стрел скифского типа (№№ 4, 5 и 6 раскопки).

Четвертый. По тому же юго-западному направлению, минуя Миниховские траншеи, вторично пересекая остров поперек, на расстоянии 1 версты, расположено 9 курганов этого могильника. Положение его на возвышенном кряже ближе к западному склону острова и, следовательно, ближе к Старому Днепру. По типу курганы представляют полное сходство с курганами предыдущего могильника. Здесь разрыт один курган, где найдены бронзовые стрелы (№ 7).

Пятый. Могильник этот следует непосредственно за описанным и является как бы продолжением его. Здесь курганы скучены; всех их 28, между которыми два, расположенные на возвышенном кряже острова, являются господствующими. Насыпи того и другого курганов с северо-восточной стороны имеют крутые скаты, с юго-западной – более пологие. Здесь раскопаны два кургана, причем, в отличие от предшествовавших могильников, погребение в них совершалось в деревянных гробах, сложенных из бревен (№№ 8 и 9).

Шестой и последний могильник расположен в одну линию с предыдущими двумя, но положение его на покатом склоне к югу. Число курганов 14. Несмотря на значительные размеры большинства, все они подвергнуты вспашке. Раскопок здесь не проводилось, если исключить в стороне к востоку одиноко стоящий курган, на расстоянии 3/4 версты от могильника.

Независимо от курганов, перечисленных в описанных могильниках, на поверхности острова насчитано 14 брошенных в одиночку или парами на прибрежной восточной стороне острова.

Заключая описание могильников острова Хортицы, должны сказать, что первую раскопку курганов произвел здесь в 1878 году В.Л. Беренштам*, командированный Московским Антропологическим Обществом. Раскопано им 6 курганов, из них 3 в могильнике IV, один в V и два в VI. Так как раскопка эта предшествовала нашей и по результатам имеет с нею связь, позволяем себе привести здесь письмо Беренштама, ныне покойного, в котором он любезно поделился сведениями. Считаю, однако, уместным оговориться, что переписка об этой раскопке нами возбуждена была в 1890 году, т. е. по истечении 12 лет, когда Беренштам, по службе, перемещен был из Киева сначала в Псков, а потом в Петербург и был в затруднении дать более подробные сведения¹. Вот дословное содержание его письма, датированного: «СПб. 18 февраля 1890 г. Вознесенский пер. д. № 12, кв. 23». «...Спешу ответить Вам; к сожалению ответ Вас мало удовлетворит. В июне 1878 года на острове Хортице я раскопал 6 курганов; я принужден был прекратить работу, так как получил известие о смерти близкого друга и о болезни маленькой дочери. Дневник раскопок и найденные вещи я вскоре после возвращения выслал из Киева в Московское Антропологическое Общество, которым был командирован. Целый ряд всяческих происшествий настолько в то время отвлек мое внимание от археологии, что я даже не проследил за дальнейшей участью дневника и вещей; не знаю даже, напечатан ли первый?»

Желая доставить нужные Вам сведения, я перерыл свои бумаги и нашел некоторые черновики и подробный, доставленный мне в то время план Хортицы с обозначением старинных окопов, насыпей и курганов в масштабе одной версты в англ. дюйме; если план этот может быть Вам полезен, то по первому требованию вышлю его Вам.

---

¹ Подробную биографию скитальческой жизни Беренштама желающие найдут в февральской книжке «Киевской Старины» за 1906 год, с. 257 - 275 в статье В. Науменко «Памяти В. Л. Беренштама».

Что до раскопки курганов, то все они находятся в 3-х группах к югу от окопов, которые пересекают середину острова (в 1 версте от колонии); в ближайшей от окопов группе (1/2 в.) было разрыто 3 кургана, в следующей 1 курган, наконец в самой южной 2.

Насколько я могу судить по не вполне сохранившимся черновикам, в самой северной из 3-х названных групп курганов они имели от 1 до 3 аршин высоты, окружность от основания от 17 до 20: некоторые курганы обросли кустарником (волошанкой) – признак, что поверхность насыпи в значительной степени состоит из кладки валунов. Под последними – слой топтаной глины, ниже горизонта четырехугольная яма в 1 арш. и вершка глубины от запада к востоку, в которой разрозненные кости скелета, многие кости изломлены, в человеческом черепе находился череп грызуна; близ костей бронзовые стрелы, куски совсем ржавого железа, глин. бусы и немногие черепки от глиняной посуды. Под костями слой валунов. В 2-х из 3-х курганов по глиняному кувшину; на одном грубо выцарапан олень. В насыпи курганов и под скелетом найдены траншеи, вероятно следы, оставленные кладоискателями.

В следующей, более южной группе, раскопан 1 курган (окружн. 16 саж., выс. 1 арш. 2 в.). Тут валунов не было, а под насыпью на высоте горизонта опять разрозненный скелет сильно истлевший, от севера к югу, черепа и грудной кости не было; судя по окраске земли и останках дерева, труп был в деревянном гробу или же обложен деревянными досками; на уровне скелета глиняный сосуд (глечик), яичная скорлупа, бронзовая иголка в 3 в. длиною и 2 бронзовые стрелы.

В самой юго-восточной группе было раскопано 2 кургана; на горизонте или немного ниже 1/2 арш. (не разберу так как написанное карандашом стерлось) совершенно истлевшие кости; в одном кургане с юго-запада на северо-восток (череп на юго-запад) скелет лежит на правом боку с протянутыми вдоль туловища руками и согнутыми в коленях ногами; тут же разбитый глиняный горшок; в другом много черепков от глиняных сосудов, а также 3 целых таких же сосуда и несколько фрагментов человеческих костей, а также разбросанные человеческие зубы. Высота этих курганов 12 арш., окружность 2535 саж. Не могу вполне точнее восстановить, было ли изображение оленя на горшке 1й или 3-й группы.

Вот все, что я могу сообщить Вам на основании сохранившихся лишь отчасти черновков. Как видите, не много Вы здесь извлечете; об этом крайне сожалеет душою Вам преданный В. Беренштам».

Вслед за этим печатая наш небольшой дневник, считаем нужным пояснить, что на Хортице нами одновременно раскопано 10 курганов,

а именно: в 1904 году – 6, в 1905 – 1 и 1908 г. – 3. Раскопанные курганы, однако, мы признали более удобным пронумеровать не в хронологическом порядке их вскрытия, а в порядке принятого нами размещения могильников.

ДНЕВНИК РАСКОПОК

Могильник 1-й (Северный)

Курган № 1

25 - 26 августа 1904 г.

Курган низкий, рассунувшийся; названия не имеет. Положение его в 40 шагах от Миниховского укрепления и 1/4 версты от р. Днепра, считая по возвышенному и крутому склону. С противоположной левой стороны урочище Сагайдачное. Окружность насыпи 70 арш., через верх – 25, высота приблизительно 2 1/2 арш. Поверхность дернистая, поросшая степным ковылем. Раскопки произведены колодцем 7 на 7 арш. По снятии первых двух штыков, в центре ямы найден небольшой, лежавший на боку горшочек без ушка, высотой 6 1/2, диаметром 6 дюймов и диаметром дна 3 д., а немного в стороне, свинцовая, слабо закругленная картечь. По снятии еще 3-х штыков, на глубине приблизительно 3/4 арш. от первой находки оказался второй, поменьше первого, раздавленный горшочек, сквозь трещины которого проросли корни. Продолжая раскопку дальше, на глубине 1 1/2 арш. от поверхности, с северной боковой стороны ямы в курганной насыпи обнаружен остов человека, ориентированный головой на запад, руки на груди, ноги вытянуты, рост выше среднего. По осмотре черепа, лобная кость его, выше впадины правого глаза, оказалась простреленной картечью или мелкой пулей. Судя по сохранности костяка, – погребение позднейшее, может быть отнесено ко времени запорожского казачества. Глубже первого погребения – земля твердая, как бы утрамбованная.

На глубине 2 1/2 арш. в материке, оказалось черное пятно 3 арш. длины, 1 1/2 арш. глубины с западной и 1 1/4 с восточной стороны. По вскрытии ямы, на глубине 1 арш. найдены истлевшие кости человеческого остова, занимавшего положение с запада на восток. На месте головы уцелела верхняя часть черепа, а под нею два зуба; при соприкосновении с воздухом, кости и зубы превратились в порошок.

Дно ямы сильно окрашено в цвет умбры. Из предметов погребального ритуала ничего не найдено.

Касаясь дальнейших подробностей раскопок, заметим, что глиняное дно ямы, представлявшее ложе покойника, по всей длине сделано было на два заметных ската к поперечным стенкам ямы, образуя посередине

бугорок; поката была также и продольная часть дна по промеру уровнем, голова лежала выше ног на 6 вершков. При осмотре стенок ямы они оказались закопченными и с обугленными корнями древесных пород; однако признаков золы в яме не обнаружено. При раскопках всей могильной насыпи камни попадались изредка по 23 и чаще отдельными глыбами.

Курган № 2

31 августа 1904 года

Окружность кургана 70, через верх 25 аршин, высота 2 арш., поверхность насыпи поросшая кустарником таволги: в центре и кое-где по бокам виднеются из-под земли камни. На глубине 1/2 арш., между камнями, найден горшочек с широким венчиком, высота его 4 1/2, в диаметре 5 1/2 дюймов, дно 3 дюйма. По углублении на 1 3/4 арш. обнаружена каменная кладка; всех камней 9, весом от 3 до 5 пуд. Признаков угля или золы между камнями не оказалось. Еще глубже, в самом грунте, замечено черное пятно: яма длины 3 арш., ширины 1 1/4. По раскопке, в яме, на глубине 1 1/4 арш. оказались только следы истлевших окрашенных костей, да у изголовья кусок краски, близко подходящей к сурику. Погребение ориентировано с запада на восток, причем на месте черепа – слой бело-желтого порошка. В яме, кроме краски, полное отсутствие обстановки.

Курган № 3

1 сентября 1904 года

Форма, как и первых двух, расплывшаяся. Окружность насыпи 86, через верх 30, высота 2 1/2 арш., с боков две небольшие впадины. Раскопка производилась колодцем, как и в первых двух, 7 на 7 арш. в квадрате. На глубине 1/2 арш. кладка из 6 камней и около черные черепки горшка грубой отделки. На глубине 2 арш. от поверхности насыпи, в материковом слое – пятно ямы, но очертание правильное и земля с северной стороны мягкая. По вскрытии могилы, на дне ее, глубиной в 1 арш., черепа не оказалось, остальные, полуистлевшие кости сложены в кучу. В головах, т. е. в более широкой части ямы, расположенной с северо-запада на юго-восток, найдены разбитый горшок и комочки красной краски. Кости также все окрашены. Курган этот, судя по боковому подкопу, ранее тронут кладоискателем.

Могильник этот, судя по результатам раскопок 3-х курганов, должен быть отнесен к отдаленнейшей эпохе.

Во II-м могильнике раскопка не производилась.

Могильник III-й
Курган 4-й
12 и 13 сентября 1904 года

Форма кургана конусообразная; с северной стороны крутой скат, с южной более отлогий; поверхность дернистая, поросшая кустарником ракиты и тырсой; земля – супесчаный чернозем. Окружность основания 70, через верх 21, высота 4 арш. Раскопан колодцем 5 на 5 арш. При углублении в насыпь и до самого грунта попадались валуны, сложенные по несколько вместе. Ниже могильной насыпи, с северной стороны от центра, замечено очертание могильного пятна длиной 3 1/4, ширины 1 1/2 арш. Яма эта до самого дна на глубине 1 1/2 арш. оказалась совершенно пустою, но в западном углу ее, выделялось серое пятно – смесь глины с черноземом. Одному из рабочих поручено было осторожно углубиться снизу и с боков стены и тут обнаружено 6 валунов и каменная плита, заслонявшая ход в катакомбу. Время было уже на закат солнца, почему раскопка была отложена до следующего дня. Утром 13 сентября валуны были удалены, отвесно стоявшая плита снята, и картина погребения представилась в такой обстановке: в совершенно открытом виде лежал остов человека головою на север, ноги вытянуты во всю длину, руки протянуты по бокам туловища, ребра в сохранном порядке. В головах, у левого виска, стоял горшок, у локтя правой руки бесформенный кусок перержавевшего железа до 3 арш. длины, до 2 ф. весом. Форма катакомбы и ее размеры: потолок и стены глиняного слоя правильно закруглены, дно плоское; длина 3 1/4, ширина 1 1/4 арш., высота 1 арш. 2 вершка. При подробном обследовании погребения, остов, по длине ямы, занимал 2 арш. 6 в., что определяло рост человека. Стенка ямы от головы удалена на 7 вершков и в этом промежутке лежал хорошо сохранившийся череп грызуна. Череп человека лежал на зубчатом деревянном кружке, а под последним деревянная труха; у правого виска комок прикрытого слоем глины сена – видимо логовище зверька. Возле горшка у изголовья лежала полуистлевшая деревянная покрышка. В горшке, кроме земли, ничего не найдено. Существенное и ценное место остова представляла поясная часть: под ней найдено 84 бронзовых стрелы, прекрасной отделки и сохранности. По типу – скифские, форма трехгранная, острия с зазубринами; длина 1 1/4 дюйма. Надо заметить, что все стрелы лежали пучком с вправленными в них древками, превратившимися в гнилушки; длина древка 3 дюйма. Есть основание предполагать, что все стрелы заключались в колчан, но последний истлел, оставив на своем месте гнилушки дерева, скрепленного тончайшей медной проволокой. Во

взятой со дна ямы и просеянной земле оказались кусочки железного шлака, окиси железа и меди, комочки алой краски и древесная труха.

При осмотре погребальной камеры замечено, что углубление ее в слое глины производилось двумя орудиями, явно отпечатанными на потолке и стенках: первое из них в форме долота с закругленным острием, длины 4 1/2, ширины 1 1/2 и толщины 1/2 дюйма, второе – совершенно круглое, в виде гвоздя, длины 4 1/4, в окружности около дюйма. Первым орудием отделан потолок, вторым стенки, с подправкой кое-где долотом. Рукояток этих орудий установить не удалось.

Курган № 5

13 - 18 сентября 1904 года

Курган этот, от раскопанного № 4-го в 18 шагах, над дорогой, пролегающей через всю длину острова Хортицы; форма как и предыдущего, конусообразная; окружность основания 105, через верх 42 арш., при 5 арш. отвесной высоты. Раскопан колодцем 6 на 7 арш. До самого основания насыпи попадались камни серого гранита, по определению рабочих, от 3 до 15 пудов весом, удаление которых сопровождалось усилиями 4-х человек. В грунте материка оказалось два могильных пятна одинаковой длины и ширины (3 и 1 1/2 арш.), с закругленными углами. Расположение с севера на запад: форма, по замечанию одного из рабочих, напоминала кузнечный мех. Одно из пятен имело положение в центре, другое в двух шагах от первого, с западной стороны занятого колодца. И та и другая из могильных ям предварительно окопаны были вокруг канавками до положения костяков на глубине 1 1/2 арш., причем и к тому и к другому погребениям заметны следы боковых подкопов. По удалении земли, покрывавшей ямы, оказалось: остов центрального погребения по всей длине привален тяжелыми камнями; черепа и частей ног не оказалось, остальные кости, заметим, с явными следами окраски, растрошены на мелкие части. Между костями найдено ушко горшка, а в просеянной земле бронзовая стрелка. Во второй яме кости были в таком беспорядке, в ногах найдена нижняя челюсть, но черепа не оказалось. На дне ямы, между костями, найдено 12 бронзовых стрелок, совершенно сходных с найденным в кургане № 4. Кургана этого коснулась лопата грабителя.

Курган № 6

8 августа 1908 года

В 200-х шагах от описанных №№ 4 и 5 на Ю.З. раскопан курган на хлебной ниве. Подвергшийся распашке курган этот расплылся широким глиняным пятном и едва возвышался на 1 арш. над поверхностью нивы. Чтобы захватить центр, раскопка производилась широкой ямой.

На глубине $3/4$ арш. начали попадаться камни, а между ними черепки грубой керамики. По снятии следующих 3-х штыков, на приблизительно глубине $1\ 1/4$ арш. в грунте, отчетливо обрисовалось пятно до 4 арш. длины и $1\ 1/2$ ширины с закругленными углами. Положение пятна с С.З. на Ю.В. При дальнейшем углублении на $1\ 1/4$ арш. найдены в большом беспорядке кости, а между ними два человеческих черепа и разбитый горшок. По извлечении костей, на дне ямы найдены каменное грузило хорошей шлифовки и кремневый скребок. Дно ямы как бы обмазано глиной под цвет охры, т. е. желтое грунтовой. В земле, взятой со дна и просеянной, попадались комки алой краски и медной окиси, но предметов металла не найдено.

Могильник IV

Курган № 7

5 и 6 октября 1904 года

Могильник из 9 курганов; между ними 6 в окружности от 75 до 125, через насыпь от 25 до 40 арш., остальные поменьше; по форме – конусообразны, совершенно сходны с курганами предшествовавшего III могильника. В группе этой два кургана нетронутые плугом, остальные под пахотью, не утратив, однако, своего вида. Под раскопку взят нами один из курганов, сохранивших свою первичную наружность. Размер его: у основания 75, через верх 25, высота 1 саж. 2 арш. Верхушка и покатые бока кургана густо поросли тырсой, с северной и восточной сторон видны валуны и щебень. Раскопка произведена колодцем 6 арш. в квадрат; слой поверхности дернистый, твердый. При углублении в насыпь попала кладка из огромных камней серого гранита, причем удаление этих тяжелых камней чрезвычайно усложняло раскопку. В насыпи, между камнями, попадались раздробленные кости животных, черепки глиняной посуды и, между прочим, в одном из средних ярусов каменной кладки найден обломок белемита (чертов палец). На дне насыпи, в грунте материка, показались признаки погребения, устланного камнями и такими же камнями обставленного вокруг, эта каменная ограда занимала 12 погонных аршин. Длина могилы 3 арш., ширина в головах $1\ 1/2$, в ногах $1\ 1/4$ арш., углы закруглены; глубина от поверхности материка до положения остова в глиняном слое $1\ 1/2$ арш. По удалении надмогильной земли остов, ориентированный с запада на восток, лежал на спине в скорченном положении; полуистлевшие кости окрашены; черепа и костей рук не оказалось, но о полном погребении свидетельствует нижняя челюсть, сдвинутая со своего места к стенке ямы. В головах – черные черепки горшка с плоским дном и тол-

стыми стенками; отделка груба. На дне, под костями, найдено несколько кусков железного шлака и 5 бронзовых стрелок; все они трехгранные с зазубринами, причем две из них несколько длиннее остальных, равных найденным в кургане № 4.

При столь серьезной обстановке погребения раскопка дала ничтожные результаты! Здесь ясно: человек, быть может, такой же первобытный как и насыпь, быть может, потомок погребенного расхитил содержимое путем умелого подкопа.

Могильник V

Курган 8-й

7 и 14 сентября 1904 года

Могильник расположен на самом возвышенном кряже о. Хортицы, в южной половине его. Всех курганов 28, причем два из них, господствующие в округности, расположены по обеим сторонам дороги, пролегающей вдоль острова. Большие курганы эти – один в восточном, другой в западном направлении отстоят один от другого в 60 шагах. Совершенно одинаковых размеров, – и тот и другой имеют у основания насыпи 175, через насыпь 60 арш., приблизительно высоты до 4 саж., остальные курганы, – средние и малые по размерам, расположены также по сторонам дороги – с восточной 15 и западной 11. Кроме двух больших и четырех с крутыми скатами малых, – все остальные курганы находятся под распашкой. Для раскопки взят курган, нетронутый плугом, находящийся в цепи курганов, тянущихся с севера на юг в восточном направлении дороги. Приблизительное расстояние от большого кургана 200 шагов; округность у основания 47, через насыпь 15, высота 2 1/2 арш.

Как и все предыдущие, раскопан колодцем 7 арш. в квадрат. До самого основания насыпи попадалась каменная кладка, при чем на глубине 1 арш. найдено железное кольцо 1 1/2 д. В диаметре, надо полагать, от сбури. В материке на глубине 1 1/2 арш. от горизонта, в слое глины, лежал остов человека; положение его – обратно принятому – с востока на запад; руки протянуты по длине туловища, колени ног несколько раздвинуты в стороны; полуистлевший череп довольно значительных размеров, зубы сильно истерты и при первом прикосновении отделились от челюстей. По измерению остова, человек был высокого роста и крепкого сложения; похоронен в шестигранном гробе (в головах и ногах гроб заканчивался острыми углами), сколоченном из бревен, в виде сруба. По углам ямы сохранились истлевшие столбики, к которым, с боков, прикреплялись бревна, а равно и куски бревен, с

полным очертанием форм их по сторонам. В головах скелета найден раздавленный горшок, в поясной части железное кольцо, совершенно сходное с отмеченными раньше, бусина и железное кресало с избитым при нем кремнем. Особенность бусины: найденная в сырой земле со вкрапленными точками зеленого, красного и желтого цветов, при просушке на воздухе она принимает молочный цвет, при прикосновении мокрого платка – снова принимает цветную окраску.

Взятая со дна ямы и просеянная земля, кроме комочков алой краски и фрагментов посуды и гнилого дерева, ничего не содержала. Деревянный гроб, судя по отсутствию гвоздей или ржавчины от них, был, видимо, сколочен примитивным способом.

Курган № 9
21 сентября 1908 года

В восточном направлении, в 75 шагах от предыдущего, на пахоти, раскопан курган, почти сравнявшийся с поверхностью. Много лет, видимо, плуг бороздил его вершину. На 5-м штыке показалась каменная кладка, а на глубине 1 арш. – остов человека в скорченном положении; направление С. на Ю. Череп сплюснутый, полуистлевшие кости носят следы окраски. С правого боку остова лежал железный, съеденный ржавчиной топорик – подобие кельта, который, по извлечению из земли, распался на части... Под этим погребением, на глубине 3/4 арш. в материке, снова камни, а между ними зола, угли и пережженные кости. Еще глубже на один аршин в слое материковой глины, второй остов, лежавший на спине с вытянутыми конечностями с запада на восток. Череп и окрашенные кости также истлели. При таком расположении костяка относительно стран света, двухъярусное погребение является крестообразным. Как и в предшествовавшем кургане, погребение совершено в деревянном гробе, со следами столбиков по сторонам, с той разницей, что форма гроба представляла правильный четырехугольник, в виде корыта. Кроме кусочков ржавчины и окрашенного цвета глины, других следов погребального обихода не обретоно.

В стороне от могильников

Курган № 10
14 мая 1905 года

В целях научных, раскопка произведена силами воспитанников Александровского среднего механико-технического училища. В экскурсии этой принимали участие инспектор училища Н.И. Садиков и преподаватели И.Г. Баран-Бутович и И.Г. Деревянко. Поездка из Александровска, при разливе Днепра, совершена на 7-ми лодках.

Под раскопку избран курган, одиноко занимавший место в южной части острова, нетронутой плугом и живописно усеянной грушами. Расстояние его от последнего VI могильника в западном направлении около $3/4$ версты. Форма кургана продолговатая; расположение насыпи – с юго-запада на северо-восток.; окружность – 48, через верх с поперечной стороны – 12, продольной – 24 аршина, высота $2\ 1/2$ аршина. Занята под раскопку северо-восточная половина насыпи. На глубине $1/2$ аршина с западной стороны лежала каменная, грубо обтесанная плита длины $1\ 1/2$, ширины $1\ 1/4$ аршина и неравномерной, от 2 до 5 вершков, толщины. Вслед за плитой следовала каменная кладка из 9 глыб серого гранита. Непосредственно под этой кладкой, в насыпи, найдены: горшок белой глины, с отбитым ушком, железное кольцо, вроде найденного в кургане № 8, синяя бусина стекловидного сплава, с белыми точками и точильный камень в диаметре $2\ 1/2$, толщины $1/2$ дюйма, с отверстием посередине. При дальнейшей раскопке, в черноземном слое материка, приблизительно на $1/2$ арш. от горизонта, найден остов покойника, лежавший на боку, головой на запад, лицом на юг, руки протянуты вдоль туловища, ноги в коленях согнуты. Со стороны левой руки лежал железный меч, который был положен, видимо, в деревянные ножны, а по сторонам ног, ниже колена, два железных кольца, каждое 2 дюйма 2 лин. в диаметре.

В северной стороне от первой, в глиняном слое – вторая могильная яма. В ней оказался толстый слой золы, перемешанной с дубовым углем и глиной. В слое этом найдены черепки глиняной посуды, пережженные кости и зубы человека.

Юго-Западная сторона этого продолговатого кургана раскопана 5 октября 1905 года. На глубине $2\ 1/4$ арш., в слое насыпи, найден череп и битый горшок, а несколько глубже, в подпочвенном слое, женский остов без головы: положение на боку. С южной стороны замечен подкоп и потому целостность погребения нарушена. В яме найдены кусочки тончайшей медной пластинки свитой спиралью вроде ленты $1/2$ д. ширины и несколько комочков алой краски. Костяк окрашен.

Могильник у меннонитской колонии Кичкас

(Правая сторона Днепра, против северного могильника о. Хортицы)

Курган № 11

4 октября 1904 года

На возвышенной степи колонии Кичкас на виду Днепра и Хортицы могильник из 33 курганов; господствующий из них 170 арш. у основания и более 2 саж. высоты; остальные, в большинстве, расплывчаты или до того сравнились с лицом земли, что названия курганов к ним

далеко не подходит. Наружность всех их, однако, точно отмечена кладкой камней на поверхности. Один из приземистых курганов этого могильника занят нами под раскопку. На 4-ом штыке начали попадаться глыбы булыжника. Земля супесчаного чернозема, с кусками извести, чрезвычайно твердая, трудно поддающаяся лопате и кирке. На глубине 1 1/2 арш. от поверхности насыпи лежал полуистлевший остов человека головою на север. Череп и кости измельчены, обстановки никакой. Под первым погребением, в материковом грунте, выделялось пятно могильной ямы, на дне которой, по раскопке, лежал второй остов головою на запад; кости также истлели, исключая череп, на лобной части которого наложена была медная бляшка с отверстием для гвоздя посредине; размер бляшки менее серебряной монеты в 20 копеек; форма четырехугольная. Погребение бедное, под скелетом несколько зубов человека, горшечные черепки, комки краски, подобие сурику и грудки каолина. Костяки первого и второго яруса окрашены.

Не преминем сказать, что в этом могильнике 25 сентября 1905 года раскопано два кургана силами старших учеников Александровского Технического училища и, кроме тех же истлевших костей с окраской и черепков глиняной посуды, ничего не найдено.

Кичкасский могильник, по содержанию курганов, быть может кочевников пастушеского быта; он сходен с соседскими могильниками о. Хортицы (№ 1), но резко отличается от него кладкой камней на открытой поверхности. Помимо этого, в Кичкасском могильнике встречаются курганы, у подножия окруженные рвом.

Небольшой могильник, подобный Кичкасскому по бедности содержания и кладке камней, находится ниже порога Гадючьего с правого берега, против острова Малого Дубового, в народе Пурисоваго и Прусоваго.

Раскопка близ Миниховского укрепления (Слева балки Широкой)

Южнее меннонитской колонии, ширину острова с В. на З. пересекает Миниховское укрепление (ров с редутами), как бы разграничивая его на две равные половины. С западной стороны, у склона к Старому Днепру, укрепление это заканчивается редутом, а ниже последнего, сажень в 4050, обрывистый берег порос кустарником и местами перерезан оврагами. В продолжение нескольких лет, во время весенних экскурсий, на дне оврагов и водоройнах нам нередко приходилось находить человеческие черепа, медные пуговицы и проч., что указывало на близость кладбища. В 1908 году, после нескольких повторных нахо-

док, решено было произвести раскопку выше одного из оврагов. Чтобы с точностью убедиться в предположении и определить место погребений, предварительно занята была под раскопку площадка в 2 сажени в квадрате, на которой по углублению на 2 штыка и очистке от земли обнаружено три пятна могильных ям. Вскрытие ям дало следующие результаты.

1-я могильная яма

27 июля 1908 года

Длина ямы $2 \frac{3}{4}$ арш., ширина в головах $1 \frac{1}{4}$, ногах 1, глубины 2 арш. По длине ямы тесно лежало три остова, занимавших положение с З. на В. Покойники одеты по зимнему – в шинели и кафтаны темно-зеленого сукна, на бортах которых, в глиняном слое, резко выделялись медные, обшитые сукном такого же цвета, пуговицы. Череп одного из покойников упирался в стоячий воротник кафтана, густо усеянный такими же пуговками, при чем пуговицы эти, продетые в петли, держались с изнанки на ремешке, протянутом сквозь ушки их во всю длину воротника. Все обуты в сапоги, длинные голенища которых, у колен, стянуты ремешками с пряжками. Кожа обуви истлела, недурно, однако, сохранились подошвы и подборы. Погребение совершалось без гробов, причем на дне ямы одежда покойников скомкана. Руки у одного скрещены на груди, у остальных в беспорядке: у каждого медные нательные крестики. В голенище одного из покойников найдено 6 ружейных кремней, у другого, также в голенище, тонкой, коричневой ткани кисет, в котором оказалось 17 медных монет царствования Екатерины I, Петра II и Анны Иоанновны (1726, 1727, 29, 30, 35 и 36 годов), в числе которых 12 монет 5-ти коп. достоинства, 3 денежки (денга) и 2 полушки; монеты сложены столбиком и тщательно, в несколько слоев, завернуты холщовой тряпочкой. В том же кисете оказался медный наперсток с отверстием сверху, также завернутый в отдельную тряпочку. В голенище третьего покойника – кожаный гаманец (сумочка), застегнутый на пуговку, – полный картечи (около фунта) и две медные бляшки от пояса.

2-я могила

30 июля 1908 года

Могильная яма таких же размеров, как и предыдущая, в ней также три остова, при совершенно одинаковых условиях обстановки погребения, с той лишь разницей, что один из покойников лежал ниц, а другой, высокого роста, – упирался головой и ногами в стенки ямы. У

первого покойника, лежавшего с южной стороны, ноги оборочены шерстяными портянками красного цвета и голенища стянуты ремнем. В правом сапоге его найдены: шелковый носовой платок, потерявший свой цвет от тления, 10 ружейных кремней, обернутых свинцовыми пластинками, кошелек, кожа которого истлела, а в нем рыболовный крючок. В голенище покойника, лежавшего среди ямы (рослого), оказались кожаные, на белой подкладке, рукавицы, притом в одной из них хранилась пряжка от пояса, в другой – железный пыжовник. У лежащего ниц с северной стороны ямы, правая рука под головой, левая поднята вверх локтем; обут в сапоги со шпорами; в правом голенище 6 ружейных кремней, пряжка и свинцовая пуля.

3-я могила

9 августа 1908 года

Расположена с ЮЗ. на СВ.; глубина ямы 2 арш. И здесь 3 остова и та же обстановка. Трун нет; дно ямы застлано рогожей. На груди у одного из покойников массивный медный крестик, с рельефным изображением распятия; в голенище его же 10 медных пуговиц (выпуклые), сломанный складной нож с роговыми черенками, ремень с пряжкой, охватывавший голенище. У другого под шинелью, сбоку, суконная сумка, в ней 3 бритвы в кожаном чехле, железный инструмент для завивки волос, небольшое четырехугольное зеркальце (1 1/2 на 1 1/2 вершка), шило, стеклянная баночка – мыльница, 2 бесформенных куски мыла, 2 четырехгранных продолговатых оселка, 4 медных пуговицы, 1 свинцовая пуля, 2 кремня и 4 медных монеты царствования Анны Иоанновны (1733 и 1736 г.), из коих две денежки и две полушки. Покойник этот, вне всякого сомнения, нес обязанности цирюльника кровопускателя. У третьего в головище – 4 кремня, 1 пуля и 2 выпуклых медных пуговицы, как и все находящееся, обшиты темно-зеленого цвета сукном.

Судя по зимнему обмундированию покойников, скученности их и беспорядочности положения в одной яме, по найденным монетам, можно прийти к несомненному заключению, что кладбище это относится ко времени Крымских походов гр. Миниха (1735 - 1740) и что воины эти пали жертвой чумы, занесенной из Молдавии и Валахии в 1737 и 1739 годах и, как свидетельствует Манштейн*, страшно опустошавшей Украину и Запорожье¹.

---

¹ Манштейн. Записки о России (1722 - 1744), СПб. 1876 г. - С. 153 - 154.

Раскопка в Наумовой балке

20 апреля 1908 года

Наумова балка названа по имени запорожца Наума Кармазя; начало берет близ одного из редутов Миниховского укрепления и тянется по правую сторону дороги, ведущей к паромной переправе через Старый Днепр. Протяжение ее до 1/4 версты; устье заканчивается песчаным берегом, справа и слева живописно обставленным скалами. Скала слева носит также название Наумовой. В этом уединенном уголке острова Хортицы, среди дикой природы, запорожец Наум Кармазь имел рыбацкий кош и при нем жило несколько бездомных бурлаков. Наум закончил свои дни в конце 700-х годов, а бурлаки «закивали пятками» в привольную Черноморию. На этом и прерывается короткое предание рыбака Штепы, записанное нами в 1878 году.

Вращаясь между стариками, часто приходилось слышать о находках в Днепре, о том, что остров Хортица обилует древностями. Здесь, твердили нам, чуть не каждая попадающаяся на пути яма или впадина содержит в себе оружие или обломки, куски свинца, иногда бомбы и проч. Рассказы эти и дали нам повод произвести раскопку в вершине балки Наумовой.

На склонах отвершков балки замечено и вскрыто три ямы; в первой, между золой, углем и ржавым железом, найдено чугунное ядро, весом до 15 ф.; во второй – оказалась печь, сложенная из каменных плит; в ней земля, зола, уголь, а у основания ее – два подбора от сапог, сбитых 5-ю железными гвоздями каждый, и денежка 1736 года. В третьей яме, в самом верхнем отвершке балки, ближайшем к редуту, – медная пряжка, железная кирка, стремя от седла и 3 чугунных ядра, – одно в 8 1/2 и два в 22 фунта каждое.

Сравнивая такие находки, как монета, пряжка и подборы сапог, сбитых гвоздями однородной формы, с находками описанных выше погребальных могил, вполне убеждаемся, что все они относятся к одному и тому же времени царствования Анны Иоанновны и что остров Хортица немало времени служил местом пребывания полков фельд-маршала гр. Миниха во время крымских походов в 1730-х годах.

IV

УРОЧИЩА ОСТРОВА ХОРТИЦЫ

Побережья, озера, скалы, балки, гряды и проч. урочища Хортицы имеют свои названия, связанные с интересными преданиями. Для удобства помещаем их по порядку расположения.

I. Восточное направление Днепра

Начало острова – скалы Столбы и Высшая Голова, главная опора северной части его, описанные нами в 1 главе; вслед за ними – небольшая, некогда лесная, ныне поросшая кустарниками балка Чавунова. По рассказам стариков Власенко и Штепы, здесь, за памяти их дедов, имел летнюю стоянку запорожец-рыбопромышленник Чавун. У самого берега Днепра, в скрытом ущелье скал ютился его курень и тут же хранились снасти и бочки с рыбным просолом. В последние годы жизни старый Чавун перенес свой кош в юго-западную часть острова и имел целую ватагу забродчиков.

Далее за Чавуновой балкой по гористому склону к Днепру тянутся редуты времен Миниха, соединенные рвами и красиво окаймленные грушами и кустарной растительностью. На протяжении полуверсты всех редутов 4, из коих последний переброшен вниз на берег Днепра и соединен с остальными извилистым рвом, спускающимся по крутому склону.

В 1-й половине XIX века, по рассказам старожилов, против последнего редута, на Днестре существовал остров песчаной формации Малый Дубовый, на котором укрепления Миниха имели продолжение. Рыбак Власенко и др. передают, что до 1845 года на этом возвышенном острове было два редута, соединенных траншеями. Сам остров покрыт был лесом смешанных пород, с преобладающим дубом и имел протяжение около версты по направлению к Кичкасу; в 1845 году небывалым наводнением большая часть его вместе с деревьями раздроблена была на несколько мелких частей, а в последующие годы и сохранившиеся части были также размыты стремительным течением вешних вод. Рассказы дополняются еще и тем, что в том же году, при спаде воды, на уцелевшем песчаном грунте острова много обнаружено человеческих черепов и целые груды кострищ, состоявших из золы, костей и черепков глиняной посуды разной окраски. Ныне, на месте исчезнувшего острова, поверхность Днестра усеяна скалами и подводными камнями, причем одна из группы камней, ближе к скале Дурной, слева, носит название Скопцевых, другая, ниже по течению у скалы Савутиной, справа – Переймы. Названы эти камни по фамилиям лодчанов судопроводчиков, потерпевших крушения.

Помимо приведенных рассказов, к описываемой части Днестра приурочивается также предание глубокой старины. Так 87-ми летний дед с. Вознесенки Федор Бугайда передает, что в этом месте, как слышал он в молодости, остров Хортица когда-то соединен был с материком и что между урочищем Сагайдачным и нынешним островом, во время

весенних наводнений, существовал узкий проток, ложе которого, держась левого нынешнего направления реки, омывало скалы Сагайдачного и следующую за ними у с. Вознесенки. Затем, что на месте настоящего широкого и судоходного Днепра тянулся непролазный лес с камышами, рыбными озерами и болотами. «Тут, – заключает Бугайда, – много водилось всякого зверья, а в особенности диких коз, бобров и видных (выдр)».

Рассказы, подобные приведенному, нередко приходилось нам слышать и от других стариков с. Вознесенки и д. Маркусовой.

За последним редутом времен Миниха, в 300 шагах, следует вдавшаяся в Днепр скала Савутина, окруженная балкой того же имени. Высота ее, при летнем уровне реки, до 60 фут., а затем более возвышенная и покрытая грунтом площадь ее занимает до 3000 кв. саж. До 1900 года, т. е. до обращения скалы, этого живописного памятника природы, в карьер для добывания камня, здесь видны были земляные валы до 2 арш. высоты, в форме неправильного четырехугольника; стороны валов имели протяжение с северной стороны 67 погонных сажень, восточной от Днепра, 33, южной 73 и западной 37. Это, видимо, одно из древнейших укреплений Хортицы. Не имея достоверных исторических данных, трудно сказать, кому принадлежит это сооружение, хотя некоторые повествователи относят его ко времени Петра Сагайдачного, Дмитрия Вишневецкого и казацкого предводителя Якова Шаха.

Скала, по преданиям, названа по имени запорожца Савути, стадняка «сечевого товариства». В балке, близ скалы, Савути жил в просторной землянке и на обязанности его лежало наблюдение за табунщиками и пастухами, нагуливавшими здесь лошадей и скот. Не чужд, говорят, он был охоты и рыбной ловли. В 1886 году 90-летний Игнат Бутко, сообщая предание о зажиточности и доброй славе запорожца Савути, заключил, что им оставлен богатый клад в скале.

Сведения о Савутиной скале и балке не исчерпываются рассказами Бутка. В 1830 – 40-х годах скала Савутина с трех сторон окружена была лесом, а малодоступные ущелья ее покрывались кустарниками. При таких условиях урочище это, по воспоминаниям дедов, служило приютом для людей, скрывавшихся от рекрутчины и преступлений. Затем на месте бывшего деревянного укрепления старожилы нередко находили небольшие железные копыя, стремена и др. вещи, а в 1876 году меннонит Ив. Гильдебрандт, извлекая щебень из одного ущелья скалы, обнаружил там более 100 метательных камней. Камни эти, в числе 96, поступили в наше распоряжение и переданы в Екатеринославский археологический музей имени Поля.

От скалы Савутиной, вплоть до скалы Вшивой, на расстоянии версты, тянется песчаное побережье, поросшее осокорняком, – это Великая Молодняга. Осокорняк наносных семян, сколько его не рубят, ежегодно устилает берег новой порослью. На этом пространстве, вслед за Савутиной скалой, встречается балка Брагарня, а затем покатый склон к Днепру усеян следами ям, расположенных в линию попарно или в одиночку. О происхождении ям предания стариков расходятся: по одним вариантам в этом месте жили запорожцы землянками, по другим – здесь пребывала русская кавалерия и потому парные ямы представляют места двух землянок, служивших одна для солдат, другая – для лошадей. Таких ям здесь насчитано 171. При исследовании двух сближенных ям путем раскопки, нами найдено в одном куске свинца до 2 фунт. весом и истлевший ремень, в другой – сломанная подкова и несколько перержавевших гвоздей. На том же склоне, но ближе к берегу Днепра, изредка попадаются также ямы. Вскрытие и здесь двух ям указывает на существование кузниц: так, в первой яме доказательством служили кузнечные клещи, скобы, гвозди, найденные в толще золы, древесного угля и окислившихся железных отбросов; во второй – слой же золы и иных отбросов. Вскрытие ям несомненно указывает на следы стоянки здесь войск времени Миниха.

Говоря о побережье Великая Молодняга, не преминем случая сказать, что после памятного наводнения в 1845 году, здесь на песчаном берегу, южнее скалы Савутиной, обнаружено было три больших лодки, нагруженные бомбами и другими принадлежностями артиллерийских орудий. Бомбы, по словам старожилы Гейнера, извлекая из воды, брали и меннониты с острова Хортицкий и крестьяне села Вознесенки. В 1880-х годах несколько таких бомб, весом до пуда и более каждая, мы видели как украшения, навешанные на штaketный забор палисадника И.Я. Гильдебрандта, но потом они приобретены известным ценителем древности В.В. Тарнавским для личного музея, существовавшего в имени его Качановке Борзенского уезда Черниговской губернии.

В начале 1900-х годов, когда Савутина скала была сдана в аренду евреям под каменоломню, с южной стороны ее требовалась небольшая площадь земли для землянок рабочим. В это-то время и обнаружены здесь следы кладбища. В одном месте караульщик, копая погреб, попал на следы погребения, причем между костями покойника оказался массивный золотой крестик с рельефным изображением распятия и надписью на другой стороне «Кресту твоему поклоняется Владыко и святое воскресение твое славим». В немногих других ямах также попадались тельные крестики, но поменьше и многие из сплавов.

В давние годы, как передают старожилы, на всем протяжении Днепра от начала до конца о. Хортица (около 12 верст), и в особенности вблизи Савутиной скалы, рыбаки много раз извлекали сетями оленьи и турьи рога, огромные кости не существующих ныне животных, окаменелости дуба и куски янтаря. К слову сказать, что Днепр богат предметами глубокой старины и в особенности обилует этим порожи-стая часть его, как менее доступная человеку.

После Савутиной скалы побережье Великая Молодняга заканчивается живописной скалой, носящей, к сожалению, неподобающее ей название Вшивой. Поросшая лишаями и мхом поверхность ее в знойные дни лета представляет вид плеша, объединенной паразитами, почему и охарактеризована также прозвищем в народе.

Далее от скалы и редутов времен Миниха, пересекающих остров впоперек, на протяжении четверти версты следует отлогое побережье с овражистой балкой Вербовой, в конце его, на возвышенном бугорке, ютится 6 небольших домиков, оставленных в силу сложившихся условий войны Хурбетами, т. е. бесхозяйственной немецкой беднотой разного вероисповедания и подданства. Поселку этому, по населению, присвоено было и название Хурбатовщины. Непосредственно за поселком начинаются усадьбы меннонитов кол. Остров Хортицкой, уступившими остров по купчей, как мы сказали в начале, городу Александровску и оставшиеся в его распоряжении. Осенью 1916 г. большая часть меннонитов успела переселиться в соседние колонии, некоторые же остались на арендных условиях с городом. Всех усадеб 18, расположены они у подошвы гористого склона к Днепру, а на самих склонах распланированы сады, виноградники и огороды. Колония основана в 1789 году и, следовательно, до продажи, просуществовала 127 лет.

Знакомство наше с колонией ведется с 1870 года. В то время из старожилы были в живых глубокий старец Яков Гепнер, первый наш собеседник и повествователь, и Иван Петерс. Затем, на протяжении 46 лет, ежегодно посещая колонию и проживая в ней, имели общение с последующими стариками – учителем Я.Я. Коп и колонистами И.Я. Гильденбрандтом, Д.И. Коздорфом и Б.А. Паульсом, которые участливо отнеслись к нашим исследованиям и были руководителями экскурсий и собирателями древностей. Об этих, сошедших уже со сцены, добродушных стариках, запечатлены лучшие воспоминания.

Колонию пересекают 4 балки, тянущиеся с севера на юг, из которых первая носит название Долгой¹, остальные – безымянные. Затем, на пути улицы, мысом брошена в Днепр живописная скала Мартынова,

---

¹ Ныне называется Ганновка (Анновка).

часто посещаемая дачниками, с которой открывается чудный вид на окрестности и речку, во всем ее просторе.

Упомянутая балка Долгая достойна внимания. Примыкая к колонии и находясь под охраной населения, балка эта, в противоположность находящимся против г. Александровска и Вознесенки, сохранила свою первобытную флору. Там хищнически рубят деревья, выкорчевывают кустарники, уничтожают цветы с корнями, луковичками и клубнями, тащат на рынок – здесь все в неприкосновенной целостности и обилии. В конце февраля или начале марта, по стаянии снега, когда деревья еще голы, – балка в полном праздничном наряде: здесь вы любуетесь разноколерными и милovidными цветками подснежников (сиротки), хохлаток, пролесков, душистых фиалок, диких гиацинтов, тюльпанов, ирисов и множеством других первоцветов растительного царства. При согревающих лучах солнца, такое же пробуждение весны наблюдаете и в жизни пернатого царства мелких зверьков и насекомых.

С северной, возвышенной стороны балки Долгой, расположено немецкое кладбище. В небольшом расстоянии от него высится надмогильная гранитная плита, а около нее монумент, поставленные первому колонизатору меннонитов Якову Гепнеру, как видно из надписи, родившемуся в 1748 году и умершему в 1826 (78 лет). На монументе, воздвигнутом в 1899 г., в память столетнего пребывания меннонитов в России, с северной стороны читаешь надпись: «Памяти уполномоченного Якову Гепнеру от Хортицких и молочанских друзей 1899», на южной: «Вспомни дни древния, помысли о летах прежних родов, что Господь сделал для них. Второзак. XXXII, 7». Общее кладбище обставлено также гранитными, частью отшлифованными плитами, снабженными подобающими эпитафиями. Более свежие могилы устланы толстым слоем белого песка, обсажены декоративными растениями елок, туи и цветами многолетней лилии. Предки меннонитов XIX в., судя по надписям на памятниках, пользовались особой продолжительностью жизни, считая от 70 до 90 лет.

Далее за колонией, со стороны Днепра, следует небольшая скала Черная, со стороны степи глубокий глинистый овраг, остальное побережье, на большом протяжении, усеяно камнями, поросло осокорняком и пересекается балками. Более заметная из последних – Шанцевая¹, от вершины которой, через всю ширину острова следуют землянки времен походов Миниха; следующая от нее, в четверть версты, Кости-

---

¹ По местному укреплению эти носят названия редутов, окопов и шанцев, отсюда и название балки.

на¹, за нею еще ближе – Липовая. Балки Шанцева и Костина отвалами оврагов и обнажением черепьев и костей на разной глубине с наглядною ясностью указывают нам на следы пребывания здесь человека отдаленных и близких эпох; в подтверждение чего служат находки. Так, в 1884 году, в обрушенном пласте оврага Шанцевой балки, вместе со скелетом человека, найден баклаг гончарного производства, в Костиной, в 1889 году, отыскана урна с отбитым дном. Найденный баклаг кирпичного цвета (красный), круглый, в диаметре до 10 вершков, с одной стороны выпуклый, с другой плоский, с двумя ушками у горлышка. Такие баклаги, по замечанию 87-летнего старца Бугайды², были в употреблении у запорожских казаков и у татар: при военных походах в них возили воду, привязав к седлу; в таких же баклагах, по его словам, запорожцы, при погребении зажиточных и хлебосольных покойников, ставили и водку в головах усопшего.

Здесь считаем уместным сказать, что баклаги, подобные найденному на Хортице, иногда находили меннониты колонии Шеньце, смежной с г. Александровским. Колония эта расположена между рр. Московкой и Кушугумом, так утверждают старожилы, на месте запорожского и татарского кладбища.

Против Костиной балки, в 20 саж. от берега, расположен остров Розстебин. С северной стороны скалистый, а с остальных – песчаный; длина его около 1/4 версты, ширина до 2030 саж.; весь густо порос кустами верболоза и осокоряка, который вырубывается, как и все побережье Хортицы, чуть не ежегодно. Назван по имени запорожца Розстебы, имевшего здесь рыбацкий кош. Пристанищем рыбаков он служит и поныне.

Ниже Розстебина отделяется узким проливом безымянная скала с группой камней, представляющих в миниатюре забору, со стороны берега.

Бросив взгляд на середину Днепра со стороны о. Розстебина, видишь возвышенную скалу с протянувшейся грядой камней по течению. Твердого грунта на склоне почти нет, дуб не растет, но у рыбаков она носит название Дубовой скалы. Название это основано на историческом прошлом: в свое время скала эта служила основанием смытого острова Дубового. Из межевой книги за 1802 год, хранящейся в Хортицком волостном правлении, узнаем, что на Днепре существовал ост-

---

¹ Названа по имени запорожцев Шевца и Кости.

² В 1880-х годах, среди старожил с. Вознесенки, Бугайда считался большим знатоком обычаев казацкого века, причем в рассказах всегда ссылался на своего деда запорожца.

ров Большой Дубовый, из-за обладания которым Александровск имел тяжбу с меннонитами Хортицкого округа¹. Новороссийской Межевой Конторой спор был решен в пользу меннонитов, так как остров прилегал ближе к правому берегу Днепра с островом Хортицей Новороссийского уезда, а посад Александровск² считался в Павлоградском уезде. Из текста той же книги видим, что «по межеванию въ 1798 году октября 7 дня», остров этот заключал в себе «...мелкого лесу с санными покосами 29 д. 1327 с., под бечевником 6 д. 800 с., под [...]»³ Днепра и безымянными озерами и болотами 61 д. 381 с., а во всей окружной меж 97 дес. 108 саж., квадр.». Мы не знаем в какой последовательности смывался остров в опустошительные наводнениями 1807, 1818, 1820 и 1845 годы, но из сведений того же Хортицкого архива видим, что в 1856 в нем считалось 32 1/2 дес., в 1871 г. 3 дес., а после остались одни камни и скалы, служившие устоями от напора воды.

Ранее мы упомянули об исчезновении острова Малого Дубового после наводнения 1845 года, после 1871 года не стало острова Большого Дубового: по пути между Большим и Малым Дубовыми островами (против кол. Остров Хортицкой) брошена большая скала, служившая, по уверению старцев, опорой небольшого острова, также смытого в 1820 году. Итак, на протяжении трех четвертей XIX века, напором воды смыто 3 острова.

Остров Малый Дубовой, снесенный скалами обоих берегов, отделялся узкими протоками, препятствовавшими судоходству. Крупные суда, говорят, держались старого русла, т. е. нынешнего Старого Днепра. Напрашиваются вопросы: сколько же смыто островов в отдаленном прошлом, пока левый рукав Днепра сделался судоходным? С какого времени возникли названия «Старый» и «Новый» Днепр? Наслушавшись преданий, мысль невольно переносит нас в туманную даль веков и на месте «Нового» Днепра воображение рисует нам обширную долину леса и озер, долину древней Гилеи, страны скифов.

Липовая балка, о которой мы упомянули, в свое время, покрыта была вековыми липами, давшими ей настоящее имя; кустарники от старых корней сохранились и доныне. На небольшом расстоянии от нее в Днепре выступает скала с видимыми и подводными камнями – это бе-

---

¹ Необходимым считаем пояснить, что лесные угодья острова Хортицы и Б. Дубового были распределены между существовавшими в то время колониями: Остров Хортицкой, Розенталем, Эйшлаге (Кичкас), Нейнбургом (Малашевка), Нейндорфом и Шейнгорстом.

² Преобразован в уездный город Александровск в 1806 году.

³ Слово не прочитано.

зымянная Забора. Во времена существования острова Большого Дубового скала эта, заграждая путь, служила препятствием для судоходства.

Ниже заборы, в 1870 годах, обнаружена была толща костей доисторического животного, костей, надо сказать, сильно измельченных, между которыми оказался зуб весом до 9 фунтов. По воспоминаниям рыбаков, в заборе этой нередко находили олени рога, один из которых, виденный нами, с огромными разветвлениями, долгое время хранился в церкви с. Вознесенка и затем был передан в Областной музей Поля.

В версте от безымянной заборы следует балка Корниева, названная по имени меннонита Корнея Энса, одного из первых поселенцев острова, имевшего здесь оседлость до основания колонии. Горожане, перепутывая названия, часто именуют ее Кориневой. После порубки леса в 1870-х годах разложистая балка эта обилует кустарниками.

По пути к плавням природа становится более оживленной и разнообразной: на гористом побережье кустятся клен и дубняк, на крутом склоне у подошвы – изредка дикий виноград и часто терновник, барбарис, дикий миндаль и дикая вишня. Последнее растение представляет разновидность садовой вишни и, быть может, является ее прародительницей. Ягода ее несколько больше горошины, в зрелом виде кислосладкая, менее сочная. Судя по редкости среди растений местной флоры, дикую вишню можно считать растением вымирающим, а между тем, по словам старожилов, она обиловала в Поднепровье и Хортице в особенности. Глубокий старик Бугайда, вспоминая детство, говорит, что в двадцатых годах истекшего века вишни этой было очень много, и ягода ее служила лакомством для пастухов. Исчезновение ее он объясняет распашкой полей и усилением скотоводства. В засушливые годы, поясняет он, скот съедает и истаптывает все, что только попадает на пути.

Со времени Запорожья, топография отличает на о. Хортица три возвышенных точки, называя головами... О Высшей Голове мы упомянули впереди. После нескольких изгибов восточного берега, в полуверсте от Черной заборы, следует Средняя Голова, увенчанная холмом, который именуется Потемкинским курганом. Предание, как мы сказали раньше, гласит, что здесь, по повелению кн. Потемкина, был разведен сад, мысль была устроить дворец и соединить остров мостами через Старый и Новый Днепр. Напрашивается вопрос: был ли Потемкин на Хортице? В предании нет ответа. Во всяком случае, сад был, оберегался он капралами, почему и самое место сада называется Капральщиной. С возвышенного холма чудный вид на левый берег во всю ширь и даль. Александровск как на ладони: гигантские трубы его заводов, рельефно выступающие здания учебных заведений, дома банков,

торговые ряды – все это говорит о его благоустройстве, промышленности и культуре. То ли было 50 лет тому назад? Афанасьев Чужбинский, видевший Александровск в 1860 году, отзываясь о нем как о «жалком городишке». Описывая его в подробностях, он говорит: «Улучшение Александровска, по-видимому, будет так быстро, что надо спешить представить настоящий его очерк, хотя в городке нет ровно ничего замечательного. Жалкий городишко этот, который, вероятно, через несколько лет будет иметь право обидеться на подобное название, расположен на левом берегу Днепра... В городке, по обычаю, мертвая тишина и почти никакой промышленности... Лучшее здание – острога».

Предсказание Афанасьева Чужбинского сбылось: с проведением в 1871 году рельсового пути и развитием пароходства по Днепру, явились предприниматели с капиталами, возникли машиностроительные заводы, паровые мельницы, оживилась торговля, домостроительство, и город начал быстро расти и оправляться.

От Средней Головы высокая и обрывистая часть острова, направляясь к югу, образует несколько островов и одну балку, называемую Глиняной. В этой, некогда лесной балке, по воспоминаниям старожилов много было волчих «скот» (нор, логовищ), и ее обходили со страхом. В этой же балке при ботанических экскурсиях удавалось находить редкое растение папоротник как «волшебное зелье». По верованиям народа, кто его имеет, тот может делать всякие заговоры, отыскивать клады, хотя бы они были закляты, и многое знают таинственное. В старину папоротник или папороть был в ходу у знахарей и знахарок.

Летом, по спаде вод, топография заливных плавней Хортицы представляет большое разнообразие: тут встречаются и покрытые лесом гряды, и сенокосные поляны, и озера, и болота, и у берегов Днепра – наносные острова и песчаные косы. Из рыбных озер Камышеватое или Головкивське – самое глубокое, в нем водится много черепах. Затем, одно за другим, следуют Подкручное и Осокоровое. Над Подкручным озером возвышается третья по порядку – Низшая голова, на расстоянии более двух верст от Средней. С этой возвышенной точки вид превосходящий остальные – вид на Великий Луг. «Луг – козацкий батько», но, к глубокому сожалению, «порубаный, попованный, сплюндрованный», как выражается Бугайда, мало чем похожий на славное его историческое прошлое. Зеленая, безмерно широкая и длинная поляна его, как бы прощаясь со взором унылого путника, скрывается за горизонтом. Бросив упрек беспощадному человечеству, с чувством боли уходишь далее.

Прилегающая местность красиво усеяна дикими грушами, плодами которых пользуются все, кто хочет, но не все щадят деревья: площадь их год от году редет.

Крутой и возвышенный скат Хортицы, равно степная часть мало помалу понижается к югу и сливается с плавнями восточного берега. Лесная растительность более сгущается.

II. Западное направление Днепра

С запада широкая низменность плавень, на протяжении трех верст к северу и более сужается, достигая скалистого возвышенного берега Днепра. Возрастных деревьев здесь мало, кустится часто так называемый молодняк – осокура, ива, шельюга, лозы, да изредка – дубняка. Зато пней здесь старой и свежей порубки не сосчитать. Правда, у прилегающей гористой части уцелело несколько тенистых деревьев вяза и береста, где в праздничные дни лета располагается городская публика с самоварами. Из рыбных озер узкое, но длинное – Прочный, затем Большая Домаха, Малая Домаха, Карасева, Лозоватое, безымянные, часто высыхающие летом.

От озера Домаха следуя далее, минаем устья трех безымянных балок, у последней из которых пролегает дорога к Днепру и плавням. Плавни здесь заканчиваются, Днепр открыт; на противоположном берегу зеленеет остров Корнетовский – место постоянного пристанища рыбаков: здесь же их кош, здесь и лодочная переправа. На том же берегу виднеется широкая и глубокая балка, на картах именуемая р. Средней Хортицей; однако воды в ней нет и признаков, заходит только весной, при разливе Днепра. Название р. Хортицы давно утрачено, в народе живёт она под именем «Бабурской балки»¹.

В этом месте Днепр, в иные годы, до того мелеет, что его переходят вброд.

Далее, минуя урочище Корнетовщину по направлению к северу оба берега скалисты и чем далее, тем более скалы их сплотняются, возвышаются, становятся отвесными; в особенности это заметно со

---

¹ Из исповедных росписей Покровского собора г. Александровска за 1782 - 1785 г. видим, что на р. Средней Хортицы был посёлок дачи кн. Г. А. Потемкина, где жил поручик Иван Бабура и при нем «малороссийского казачьего звания» Сероштан, Задирака, Шаповал, Шугай, Вербя и др. В последствии казаки эти, из боязни закрепощения, переселились в воинскую казачью слободу Нешкебовку (Вознесенка) и в посад Александровск, нынешний уездный город. В 1803 г., на казацком пепелище этом меннониты основали колонию Бурвальд, именуемую чаще Бабуркой (См. подробнее описание в нашей книге «Народная память о Запорожье». - С. 17 - 19).

падают, становятся отвесными; в особенности это заметно со стороны материка – правого берега. В трех верстах пути остров пересекают укрепления Миниха, ведущие начало от балки Шанцевой, с противоположного берега, а за ним следует лесная балка Широкая. По преданиям, сообщенным стариками Бугайдою и Горянцем, в балке этой было «кишло» гайдамацкого ватажка Гаркуши, тут же, говорят, скрывалась от преследования его шайка. Заметим, что местопребывание известного ватажка гайдамацких загонов – Гаркуши – если только не носителей его имени, – старожилы указывают и в порожиистой части Днепра и в Великом Лугу.

Минуя несколько выбалков, достигаем мы другой лесной балки – Генеральской. Те же старики, ссылаясь на слышанные в молодости предания, утверждают, что сюда навещался и проживал «в казенной хате» какой-то генерал, почему балка и получила такое прозвище. Времени пребывания генерала на Хортице предание не устанавливает: надо полагать, что сказание это относится ко времени 45-летней стоянки здесь войска Миниха, постройки, укрепления и существования верфи в 1736–1740 годах, и, быть может, оно связано с именем генерала Кейзерлинга, о котором нами упомянуто раньше, или одного из инженеров.

Удаленная от обиталищ человека и окруженная неприступными скалами, балка эта всегда привлекала наше внимание множеством ночных хищных птиц. Как только наступят сумерки, совы бесшумно перелетая с дерева на дерево, поднимают неподражаемый, а вместе неприятный крик. В особенности привлекает их огонь: к месту костра они слетаются во множестве, и тут уже несмолкаемому их чавканью нет конца. Рыбаки отзываются о совах как о самой беспокойной птице, и чтобы уснуть – тушат огни. Не менее здесь и сычей, но они избегают присутствия человека и перекликаются дальше. Реже всего наблюдаете полет пугача: этот обитатель скал, забившись в трещину, откликается глухо, монотонно, с продолжительными перерывами. Как мы заметили раньше, пугач – редкость наших мест. Чтобы услышать голос пугача, балка эта, в свое время, служила нам пристанищем для летних ночевков; сюда же стекались неразлучные наши спутники – деды-повествователи.

За Генеральской балкой следуют скалы Каракайка и Гавунивская, с отложистым берегом, а за ними повисла в Днепр скала Громушина. Против последней, с правого берега, виден скалистый, с сохранившимися следами укреплений, остров Канцирский, описанный нами в ста-

тье «С берегов Днепра»¹, и которому еще более уделено места в трудах Д.И. Яворницкого².

По рассказам старика Власенка, запорожцы Каракай, Гавун и Громуха, именами которых названы скалы, были рыбопромышленниками и в летнюю пору держали целые ватаги забродчиков. Кроме того, Громуха «выгуливал» много скота, почему и балка, в которой он жил, называлась Громушиными роздорами. В этой отлогой балке два ключа, один из которых, затененный деревьями, орошает живописную лужайку, всегда зеленую, всегда покрытую цветами трилистника и незабудок. Вода, бьющая ключом, чистая, холодная. Это место в знойный день невольно заманивает путника: здесь под тенью деревьев приятно отдохнуть и утолить жажду. Второй ключ на вершине балки. В 1880–1890-х годах, заботами меннонитов, он был углублен, обложен камнями; вода его привлекала проезжих и прохожих. Теперь он заброшен, затоптан скотом, и только болотная трава указывает его место. Об этом ключе дед Кузьма Лутай сообщил интересное предание: «Давно колось, ще за пам'яті наших дідів, запорожці не мирились з турками. Раз зібрались турки, зібрались запорожці і давай битися. Чи довго бились, чи ні, а тільки козаки як почали туряків шить, як почали, і вибили всіх до останку. На тім місті, де криниця (ключ) постікалось ціле озеро крові, і вся вона ввійшла в землю. Вода в криниці червона і її гріх пити».

Громушину скалу от следующей по порядку Наумовой отделяет песчаный берег. Тут, у последней скалы, пролегает дорога с паромной переправой через реку на правый берег. К этому месту Днепра, следуя в северо-западном направлении, скалы берегов возвышенны и чрезвычайно живописны. Среди отвесных стен отклик ли человека, громкий говор не пропадает бесследно, – ему вторит эхо с отдаленными перекатами. Даже птичий гам, в особенности галки, находит отражение, слышится звучно. Оставляя позади устья балок Наумовой и Куцой, минуя скалу Копичевату³, достигаем отлогого и довольно обширного берега. В народе это Музычина балка. Живыми следами пребывания человека здесь служат обилующие ключами рвы, бугры, многочисленные ямы и пепелища. В небольшом расстоянии, выше, следует линия полевых укреплений острова в юго-западном направлении, противоположный правый берег занимает такое же широкое пространство. Раньше мы

---

¹ См. «Сборник статей Екатеринославск. научн. о-ва», 1905 г. - С. 201 - 204.

² «Запорожье в памятниках старины и преданиях народа», СПб, 1888 г. Т. I, и «История о запорожских казаках». СПб, 1892, Т. I. - С. 83 - 86.

³ Названа по характеру местности: на вершине ее, покрытой грунтом, брошены небольшие скалы, формой напоминающие копны.

упомянули, что во время войны с Турцией, в 1836–39 годах, на о. Хортица русскими войсками были сооружены укрепления, что здесь производилось строение военных судов и, что, наконец, в это же время российская армия и флот, выведенный из Очакова, многое время стоял. С полной уверенностью можно утверждать, что эта местность Хортицы была свидетельницей не только приводимых событий, но и многих далеко предшествовавших.

К слову, говоря о далеком прошлом, не лишним считаем сказать, что местность эта недавно почтена постановкой креста, вблизи одного из редутов с надписью: «1891 года, мая 7 дня, по распоряжению Земского Начальника I-го участка Екатеринославского уезда Григория Тимофеевича Гаркушевского, поставлен сей крест в ознаменование бывшей здесь запорожской церкви». Большой крест с приличной оградой, сооруженный меннонитами, стоит и поныне (1917). Ознаменовать памятниками исторические места, мысль заслуживает глубокого уважения, но вникая в смысл надписи, призадумываешься: с какого источника почерпнуты сведения о Гаркушевском? Предания этого не подтверждают.

В 1787 году, на правом берегу, по преданиям, останавливалась флотилия Екатерины II, следовавшая в Херсон, а в 1790 – эти же места служили пристанью сплавного леса, предназначенного казною для меннонитов, водворенных в Хортицком округе, почему и берег назван Царской пристанью. Брун, описывая остров Хортицу, впал в неточность, отнеся Царскую пристань к месту Екатеринославско-Днепровской верфи, заложенной адмиралом Де Рибасом в 1796 году. Сюда же приурочена и верфь 1736 года¹. Дерибасовская верфь занимала место на две версты выше, у колонии Кичкас. Вот что говорит об этом Скальковский: «По крайнему недостатку транспортов в Черноморском флоте, нужных для доставления материалов, для южных крепостей и перевозки соли в магазины, учрежденные в Одессе и Овидиополе, Де Рибас предложил устроить близ Екатеринослава, в урочище, называемом Кичкас, небольшую верфь, независимо от Адмиралтейства. Что и было исполнено с тем намерением, чтобы построенные на Кичкасе транспорты принадлежали городу Одессе»². Затем в примечании к приведенной выдержке, поясняет: «При колонии меннонитов Эйнлаге, на берегу Днепра в 70 верстах от Екатеринослава, а в 2-х от Хортицы, находится переправа через Днепр, называемая Кичкас.

---

¹ Брун Ф. Черноморье, ч. II. - С. 365.

² Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Одесса, 1836. Т. 1. - С. 245.

Здесь еще в 1781 году завершена была Фалеевым пристань для судов, отправляемых... вверх и вниз по Днепру, при которой была и его контора. На этом же месте, как находящемся за порогами, устроена была Де Рибасом каботажная верфь»¹.

За Музыкачиной балкой следует довольно длинная, отвесная скала, бросившая на Днепр огромную тень – Черная скала. В ущельях ее гнездится много птиц, и, в свое время, передают старожилы, служила обиталищем пугачей. Весною здесь несмолкаемый свист скворцов и писк их выводков. Далее – скала Лазни, названа по удобству по ней вылазки с несколько отлогого берега. Остальная непрерывная гряда скал заканчивается Высшей Головой и Змиевой пещерой, откуда мы начали описание урочищ Хортицы в восточном направлении. В противоположность о. Хортицы, редким из скал правого берега уделено название. Так на протяжении четырех верст от острова Канцерского отмечены имена 4 скал: Канцерская 1я (остров), Канцерская 2-я – у паромной переправы, против скалы Наумовой, Рогозина – ниже царской пристани и Отара, ниже – как Кичкас. Название последней характеризовано довольно удачно: издали вершина ее представляет скопище овечьей отары.

КЛАДЫ ОСТРОВА ХОРТИЦЫ

В свое время о кладах Хортицы много было ходячих преданий, и говорить об них – это служило излюбленной темой стариков. Рассказчики относят их запорожцам и гайдамакам, и большую часть считают заклетыми. Находил ли кто клады? – дело тайны, но результатом мании кладоискателей явилось множество изрытых или совершенно уничтоженных могил, а с ними утраченных археологических ценностей. При посещении могильников нам нередко приходилось наталкиваться на свежие следы ночных раскопок или находить выброшенные камни или целые плиты, кости, черепки горшков, бусы, стрелы и прочее. В этом отношении заметнее всего пострадала северная часть острова, как более глухая, где среди дня не всегда встретите человека. То же можно сказать и о повреждении скал и корней старых деревьев, которых коснулись лопата и лом кладоискателя.

По рассказам рыбаков, кладами Хортицы более других интересуются матросы Никополя. Пользуясь продолжительной стоянкой берлин и букерных пароходов, при погрузке хлеба в Кичкасе и на Царской пристани они в лунные ночи проводят время за поисками кладов. У них, говорят, как потомков запорожцев, сохранились и свои предания.

---

¹ Там же. - С. 267.

І. Клад в виде огненного всадника

В голові острова Хортиці, то вид Кічкаса єсть величенька могилка, вся обкладена камінням. Літ тридцять тому назад, там, темної ночі, було часто показується клад: єще вискоче на могилу козак з шаблею, та так огнем і засяє. Козак золотий, а під ним кінь срібний. То, кажуть, золоті і срібні гроші. Ті гроши або взято, або показуються та не всякому.

*Степан Власенко, 30 років, с. Вознесенка Олександр. повіту,
15 червня 1884 р.*

2. Клад в Вищій голові

На хортівськiм острові у Вищій Голові був камінь в рост чоловіка, весь донизу пописаний, тепер його або нема, або мохом поріс – не пизнаєш. Під тим камнем єсть запорізький клад. Цей камінь бачив я літ двадцять тому назад як чабанував.

Дід Серєга Щербак, 67 років, там же, 6-го травня 1874 р.

3. Там же

Літ сорок назад, дід Підскельний гнав в губернію арештанта в залізах. На Кічкаси сіли спочивать, а арештанта і каже: “Ех, якби моя воля, я б викупився та забогатів би”. “Де б же ти грошей взяв?” – пита дід. “А он де”, – каже, и показав на Хортицький острів. “В якому же місці?”. “А там, у Висячій Голові”. “Яка ж приміта?” “Е, цього вже не скажу, – каже, – бо мені від того легче не буде”. І погнав він того арештанта дальше. Від старих людей я чув, що ті гроші положено в щілини скелі і забито каменними клинними. Скеля, кажуть, звисла в Дніпро, там десь вище Змієві печери.

Дід Кузьма Лупай, 73 год, звідти же, 19 лютого 1885 року.

4. Клад в урочищі Лазні

Низче острова Хортівського, над Старим Дніпром, єсть урочище Лазні, там поверх скелі – Клад. Приміта така: лежить камінь, а на ньому мова “Єсть и како, хто візьме, – буде кай”. Годів тридцять тому назад слова були замітні, а тепер камінь заріс мохом. Кажуть клад залятий.

Рибалка Степан Штепа, 67 л., звідти же, 28 грудня 1877 року.

5. Клад в Музичиній балці

На тім же острові Чорної скелі, єсть Музичина балка, а в балці криниця, в тій криниці заповорожці сховали мідний чавунець з червонцями. Там ті гроші й досі, бо страшно брать – заляті.

Він же

6. Клад в майдані Савутиної балки

На Хортицькiм острові, біля Савутиної балки, єсть високий майдан: там гайдамаки сховали клад. Давно, Бог его зна і коли, моему дідові,

розказував запорожець, як ці гроші везли з Польщі. Набрали, каже, під Уманью, на четверо коней грошей і всякого добра і стали тікати; коли ось і погоня за ними біжить. З ними був дід колдовник. Що ще стануть ляхи добігати – дід махне хусткою і перед ними зробиться річка. Їдуть вони та й їдуть, коли опять погоня. Дід вдруге махне хусткою і стане ліс, що й голови не просунути. Ляхи наткнуться – тай назад. Доїхали ті гайдамаки до Дніпра – і перевезлись на Хортицю. Чи довго вони жили тут, чи ні – сховали в майдані гроші і затоптали кіньми. Після зруйнування Січи, запорожці подались під турка, а за ними посунули і гайдамаки. Стіко, кажуть, не жило їх там, а під старість умирать сюда вертались; так вернувся і тот запорожець, що оце я вам розказую. Гайдамацьких грошей, кажуть, страшно брать: вони нечисті.

Кузьма Лупай, 19 лютого 1885 року.

7. Клад в балці Вербовій

Низче скелі Вошивої, де німецький вітряк, єсть Вербова балочка, вона на гору вийшла вилками, а посередині шпилік, на цьому шпиліку, кажуть, закопане запорозьке добро: золото, срібло, лом всякий, рушниці і пушки. Тут, кажуть, запорожці сховали скарб тоді, як москаль такував Січ.

Степан Штепа, 28 грудня 1877 року.

8. Клад біля Шанцевої балки

На острові Хортицькім, супротив Дубового островка, що під Вознесенським берегом, єсть два вибалочка; між ними запорожці сховали полкову казну – дванадцять бочонків, в льоху і казначей козацький сидить замутований.

Він же.

9. Клад біля Красного дуба

На Хортиці, біля Шанцевої балки стоїть Красний дуб¹, він високий і гільчастий; старішого й товстішого від його нема. Це, кажуть, що запорізький дуб, бо хто з старих дідів його зна, він все однаковий; листя на єму зимою червоне і до весни не спада. Біля цього дуба, кажуть, єсть запорозький клад.

*Дід Грицько Шуть, 75 рок.,
Вознесенка, 7 серпня 1874 року*

---

¹ Ныне этого величественного, векового дуба не существует. Он одиноко стоял в открытой степи острова в полуверсте от южного конца меннонитской колонии Остров Хортицкой. Сухой остов его виден был с 1876 по 1882 год. Старики называли дуб глухим, зимним, не терявшим листвы до начала весны.

10. Заклятий клад в балці Брагарні

В балці Брагарні єсть заклятий клад, і його стерегла нечиста сила; заклятий був гайдамаками на сто год, тіко времня уже вийшло. Старі люди розказували – балка була дуже лісна. Восени, було, вознесенці ходят за грушами і кислицями, тіко вертаються з порожніми мішками, або і без мішків. Оце, було, тіко понастилають під деревом рядна і стануть трусить, то нечиста сила як підніме голос, – як закричить не своїм голосом, як затуже, як зарегочеться... люди та так і розбігаються. Інші кидали мігивки і рядна та тікали. Добіжать до каюків, стануть спихать, то нечиста сила і не пуска. Покійна мати розказувала, що одна жінка і умерла з переляку. Ночної доби було як почне вигукувати: гогого! або талолала! гопопопо! – луна так і розлягається по Дніпру... Страшно було. Цьому, як не збрехать, минуло років шістьдесят, або і більше: ще я ходив без штанів. Клад, кажуть, лежить нерушимо, бо брать его страшно.

Хома Хупавка, 72 л., с. Вознесенка, Александр. п., 19 лютого 1885 г.

11. Клади й нечиста сила

На Хортицькім острові багато кладів, тільки всі вони закляті. Діди було розказують, що через ті кладі заклята і вся земля на острові. Колись, кажуть, грамотний чоловік взяв Євангелію і вночі хотів перейти острів. Тікі й він зійшов на гору, – Євангелія і випала з рук; він підняв – вона опять випала... Став творить молитву, а козеня з під куща “ме-кекекееее!”, – та дідові на шию і сіло верхом... Далі козеня зскочило, а з заду его хтось лозиною як шмарне, як шморгне, – та по ухах, та по ухах. Гнало та шмогало, насилу дід влучив до каюка... Струбнув той дід в каюк і помахав веслом додому. На другий день пішов він шукать Євангелію, аж вона пошматана на кусочки.

Дід Василь Нагирній, 95 рок., Александрівськ, 1 грудня 1884 року

12. Клад, що його передав запорожець чоловіку

Багато кладів сховано по скелях та балках, під дубами, а найбільш у Висчій голові та по могилах; будуть вони лежать поки світ сонця. Сте-режуть їх, кажуть, запорожці, замуровані в льохах і виходять на світ божий в сорок год раз. Але вийде тай заклика зустрічного чоловіка в льохах, як той піде, – він зачне за ним залізні двері і був такий... Давно, дуже давно діялось, з могили вийшов запорожець з шаблею і став ходить по острові. Довго ходив і побачив чоловіка. Він до його, а той злякався та від його. Запорожець догнав і каже: не бійся, чоловік ти бачу убогий, а я можу запомогти грішми: ходим до могили, я там живу. Чоловікові і страшно і охота бере достать грошей. Не довго думавши, пішов. Той открив льох і каже: бачиш барило з червонцями – бери

стільки тобі треба. Чоловік за гроші, а запорожець за двері, – грякнув і загорнув ход землею. Зробив своє діло і пішов ходити по світу. Таких людей, кажуть і смерть не бере.

Дід Бугайда, 78 л., с. Вознесенка, 7 вересня 1878 р.

13. Запорізький клад

Год тридцять тому назад зійшовся я з стареньким чоловіком і розбалакався про клади. Чув, каже він, людям случались гроші, та не всякий брав їх, і почав розказувати. Раз, каже, в Спасівку, один дід рибальчив в Дніпрі. Ніч була дуже місячною. Перевернув він каюк до островського берега, вибрав сітки і став дрімать. Коли чує шось шелестить чагарем, а далі виходить чоловік, голова лиса, вуси довгі і одежа на йому козацька. Став і дивиться на діда. Злякав, у діда мороз пішов поза шкурую. Не втерпів він і обізався: шо ти за чоловік і чого тобі треба? – Я, каже, запорожець, сто год стеріг клад, а тепер время вийшло, іди і забери. Дід і отказує: як же ти мене знаєшь, коли я тебе вперве бачу. У нас, каже, була така умова з козаками, шо через сто год кого первого побачу, тому суд і гроші: ходім за мною. – Знаєш шо, чоловіче, – відмовив йому дід: іди собі з Богом, відкіля взявся, – грошей твоїх мені не треба. Повернувся козак і пішов собі на гору. Діда взяв ще більший острах, перехрестився тричі і повернув каюка на вознесенський берег. Через тиждень дід почув, шо на Старому Дніпрі рибальчив чоловік з Розумовки і тієї ночі його не стало. Він, кажуть, падкий був до грошей, послухав запорожця і буде сидіть в льоху до служного часу.

*Дід Степан Штепа, 67 л.,
с. Вознесенка, 22 грудня 1877 р.*

14. Запорізькі звичаї, як ховать клади

Клади ховали запорожці, ляхи і турки; тут находили гроші всяких царів. У запорожців був такий звичай: Аще викопають льох, сховают гроші і питают: а хто ж їх буде стерегти? Як тіко який охочий обізався – упхнут його в льох і замурують. І сидить козак 40 літ не пивші не ївши, поки строк вийде. Добре ж, як поїде кому передать гроші, а як ні, то оп'ять іде в льох на 40 год. Колись було страшно і ночувать на Хортиці: приходе запорожець і будить: “ходім до мене, – візьмеш гроші, – вони судились тобі”. Хто послуха – піде і останеться замурованим 40 літ, а запорожець іде собі по миру... Тіко мало було охотників до таких грошей. Ховали гроші і запорожці – сидні без закляття; ціх брать не страшно, і хто находив – робився хозьяїном і богатів... В Вознесенці були люди, шо гляди, ні з сього, ні з того розбагатів... Найбільше находили гроші в урочищі Сагайдачнім і на Хортиці, тико попадались між

нашими талярами турецькі і людські, їх збували шинкарам. На своєму віку я найшов п'яні золоти, та нікому і не сказав.

*Дід Яків Руденький, 69 л.,
с. Вознесенка, 8 серпня 1881 р.*

15. Щастя, як трясця, кого схоче нападе

Раз ішов я слободою мимо діда Летючого, а він сидів на призьбі. Поздоровкався і минає. «Не минай, каже, іди побалакаємо: тютюн є?» – «Є», – кажу. Попокладали люльки, викресали и розбалакались про те, та про се, а далі звернули про старовину. «Еге, було колись, та не вернеться», каже дід: де тепер слобода – був дикий степ, жили запорожці без жінок, без дітей, як ченці, не знали де гроші дівають – ховали в землю». «Не всякому», – каже, – щастя найти їх! Щастя як трясця – кого схоче, того і нападе» – отказав дід. «Ти знаєшь Ляшенка?». «Якого?, – питаю – Афанасія?» «Ні, ще його батька». «О, це, – кажу – давня річ: коли син старий, то за батька і казати нічого...» «А я тобі скажу, як він розбагатів. Із Січі прийшов голий, а став купцем на весь Олександрівськ... Раз, значить, зібрався він по рибу на Старе Дніпро і спізнівся. Смерком перекинувся каюком на Хортицю і пішов степом. Йде той, іде стежком – коли дивиться – біліє пеньок і мов ворухиться. Порівнявся з ним і сказав: де він у біся взявся? Тіко шо вимовив, а козиня плиг йому на плечі і сіло... Далі як придаве ніжками, як придаве хвостом в спину... Ляшенко став мов не свій, мов конем – та зразу як побіжить. Став перебігать шлях, шо йшов впововш острова, а козиня його за вуха, мов за уздечку, смик, – і повернуло шляхом. Біг він верст вісім, до Вищой голови, де стояв старий дуб. Добіг, а на Кічкасі і заспівали треті півні. Козеня бряцнуло грішми і розсипалось. Ляшенко давай збирати... Набрал повну торбу, шо брав на рибу і сховав в кущі. Страшно йому стало, а найбільше боявся, щоб ніхто не відняв. Пересидів він до вечера, перевіз його рибалка в Сагайдачнім і поніс гроші додому. З того часу кинув рибу ловить, став торгувати сілью, дальше отримав лавку, постійний двір і пішов жить. Перед смертю передав багатство синові, той тепер грішми руки грів... От тобі і щастя як трясця, – сказав дід – кого схоче, того і нападе»¹.

*Дід Василь ПанасенкоГончаренко, 70 л.,
с. Вознесенка, 1872 г.
8 серпня 1879 р.*

---

¹ В 1870 - 80 годах, о найденном в свое время кладе Ляшенко нам приходилось слышать в разных вариантах, но близких к приведенному. Ныне поколения этой фамилии не осталось.

РЫБЫ. ВРЕМЯ МЕТАНИЯ ИКРЫ

Осетр, стерлядь (чечуга) – самая ценная рыба Днепра, – водятся б. ч. в порожистой части. Мечут икру перед Григорием (23) в апреле.

Судак (сула) – секрет – избирает чистые воды. Метание икры совпадает с цветением яблони и груши в апреле.

Окунь третья – трется в последних числах февраля, когда паруются скворцы и к благовещению (25 марта).

Ершь (бобырь) – в марте перед благовещением.

Ерш – погар – в марте. Оба вида держатся чистых вод.

Щука – трется под льдом в феврале и перед Евдокием (1 марта), избирая стоячие воды и камыши.

Сом – в конце апреля и мае, избирая глубокие ямы. Более удачная ловля зимой под льдом, – кодолами, летом – клюют на наживку крючка. Вес сомов до 56 пудов.

Короп – по временам терки различают два вида – Григорьевские – мечут икру к 23 апреля и Николаевские к 9 мая. Приурочивают их также к цветению вербы и терна – называя вербовиками и терновиками. Водятся в порожистых и стоячих водах, предпочитая последние.

Карась – трется в конце апреля, когда цветет калина и бузина. Тоже, когда начинает «куковать зозуля». Водятся в стоячих водах озер, прудов, ставков.

Лини – по возрастам: одни мечут икру в марте, другие – когда цветет калина, третьи когда «красуется жито», т. е. после терки всех рыб. Живут в озерах, предпочитая места с глубоким илом и водною растительностью (куширь).

Ляц (чебак) – как и короп, по терке различают два вида – вербовики и терновики. Терку приурочивают также по времени цветения осокора и началу пения соловья.

Густырь – трется в одну пору с коропом и лящем, избирая быстрые воды.

Красноперка – избирает травяную растительность. Время терки – когда цветет глуд (боярышник), шиповник, когда цветут сады.

Вязь – в одно время с коропом.

Синец, головень, верозуб, подуст – любят проточные воды и трутся в апреле и мае.

Белизна – до и во время ледохода.

Чехонь – в конце мая и июнь. Живет исключительно в проточных реках.

Сельдь – предпочитает быстрые воды и в порожистой части Днепра в особенности. Трется в первых числах мая.

Марина – в Петровку.

Менек – перед Рождеством, в декабре.

Вьюн – как и линь – трется после всех рыб, когда красуется жито.

Исключительно болотная рыба.

Пескари, явдошки, бабки – держатся каменистых берегов и от хищных рыб прячутся в ущельях.

Общее заключение рыбалки Марка и Музыки: «Всяка рыба як трется – держитесь купи, як одітриться – пішла гулять поверху води» (с. Андреевка).

ПТИЦЫ

Лебеди – ранний весенний прилет лебедей знаменует неурожайное лето. Догадливый хозяин старается сохранить запасы хлеба.

Баклан – когда бакланы остаются зимовать – это предвещает теплую зиму. Плавают они в незамерзших ополонях Днепра, в особенности в порожистой части. В летнюю пору постоянной спутницей баклана является цапля. Он хорошо ныряет, ловит рыбу, выносит на поверхность и в этот момент цапля с проворством отымает и проглатывает.

Утки – крыжнии, черята, норцы остаются у нас, служат также предвестниками теплой зимы.

Дрофы – такое же заключение относится и к зимующим дрофам.

Орлы – прилетающие к Сретению (2 февраля) – также предвещают раннюю и теплую весну. По наблюдению старожиллов, орлы мостят гнезда в скалах и выводят птенцов до открытия муравейников «Муравка заїдає орлят».

Сыч – предвестник семейного несчастья: «когда закричит на хате больного», «три раза кукував» – смерть неминуема.

Аист – ни брать яиц, ни убивать аистов не следует: аисты могут поджечь хату. Почитается счастливец тот, на чьей усадьбе поселится аист.